НАУКИ РУССКОГО МИРА

научный журнал

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

КУЛЬТУРА

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ НАУКИ

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

№4-2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА»

Издание ориентировано на публикацию научных изысканий в таких сферах научного знания, как языкознание (филология), всеобщая история, отечественная история (история Российского государства на разных этапах его развития), теория литературы и текстология, культурология и история мировой культуры.

В частности, филологическая тематика представлена в издании работами, раскрывающими проблематику современной лингвистики и лингвокультурологии, а также теории и истории языка; исследований в области литературоведения, теории и истории отечественной и зарубежной литературы, изучения и взаимовлияния литературных и культурных традиций; совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в школе и вузе; методики преподавания иностранных языков; теоретических и прикладных аспектов изучения речевой деятельности, языка и культуры, способов анализа художественного текста; практики перевода, а также дидактических аспектов переводческой деятельности.

В области культурологии и искусствоведения тематика работ может быть связана с изучением культурологических воззрений, культуро- и антропогенеза, эволюции и типологии культурных форм, механизма формирования систем культурных ценностей, а также выявления роли культурного наследия в жизни общества (в том числе с учетом национального своеобразия и исторического контекста) и т. д.

В части исторических исследований проблематика очерчивается широким кругом вопросов, касающихся анализа различных периодов мировой и отечественной истории, становления и развития цивилизационных форм, эволюции международных отношений, роли личности в истории, генезиса социальных процессов и политической культуры и пр.

Проблемы истории и теории литературы и искусства раскрываются через анализ всего спектра разновидностей духовной деятельности человека (религиозной, философской, художественной), изучение поэтики художественных произведений (стиля и техники автора), выявление специфики художественного метода, жанрового своеобразия отдельных авторов и художественных школ на различных этапах исторического развития мирового искусства.

Читательская аудитория: представители академической науки – вузовских научных школ, профессорско-преподавательского состава и научно-исследовательских учреждений, независимые исследователи, молодые ученые (в том числе, аспиранты, соискатели, магистранты), а также студенты вузов и средних специальных учебных заведений России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Тексты статей, поступающие в редакцию от авторов, проходят научное рецензирование и в обязательном порядке проверяются на наличие недобросовестного научного цитирования, а также самоцитирования в программной среде «Антиплагиат».

Журнал «НАЧАЛА РУССКОГО МИРА» издается с 2011 года.
Периодичности издания: ВОСЕМЬ раз в год.

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна

Издатель: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»

Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1

Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289

Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ

ISSN электронного сетевого издания 3034-1337

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.

Языки: Русский, английский

НАПРАВЛЕНИЯ И РУБРИКИ ЖУРНАЛА

- Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологическиенауки).
- Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).
- Исторические исследования.
- Литература.
- Культурология.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Лаврикова Ирина Николаевна
Доктор культурологии, доцент, доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акчурина-муфтиева Нурия Мунировна
Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств АРК, Лауреат Государственной премии РК, профессор кафедры Декоративного искусства, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»

Альбеков Нурвади Насруддинович
Доктор филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков и международной коммуникации Чеченского государственного педагогического университета

Андриевская Светлана Владимировна
Кандидат исторических наук, доцент кафедры технологии и методики преподавания Учреждения образования "Полоцкий государственный университет" (Республика Беларусь)

Билялова Альбина Анваровна
Заведующая кафедрой, доктор филологических наук (профессор), член диссертационного совета КФУ.10.03, эксперт Аттестационной комисси КФУ по гуманитарному направлениюНабережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Джелилов Ахтем Алиевич
Академик, профессор, доктор филологических наук. Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Долгополова Лилия Анатольевна
Заведующий кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым "Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова", доктор филологических наук

Дударева Марианна Андреевна,
доктор культурологии, доктор филологических наук, профессор РГПУ им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

Зяблова Ольга Александровна
Доктор филологических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России

Иванян Елена Павловна

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Самарский государственный социально-педагогический университет". Действительный член Международной академии наук педагогического образования, продолжатель научной школы П. А. Леканта, автор «Словаря эвфемизмов русского языка», специалист в области семантики и прагматики языковых единиц, теории эвфемии русского языка

Кремшокалова Марина Чафленовна

Доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Кабардино – Балкарского государственного университета им. Х.М.Бербекова

Кудинова Таисия Анатольевна

Доктор филологических наук, доцент, Ростовский государственный медицинский университет, профессор кафедры педагогики; Луганский государственный педагогический университет, профессор кафедры романо-германской филологии

Лелис Елена Ивановна

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (г. Санкт-Петербург)

Мапельман Валентина Михайловна

Профессор Московского городского педагогического университета (профессор, доктор философских наук)

Минералова Ирина Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков, Московский педагогический государственный университет (Москва)

Похилько Александр Дмитриевич

Доктор философских наук, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Армавирский государственный педагогический университет»

Сложеникина Юлия Владимировна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии, Университет «Синергия» (Москва)

Соловьев Владимир Михайлович

Историк, культуролог, доктор исторических наук, профессор, специалист по отечественной истории и культуре. Профессор кафедры мировой культуры в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ), является ассоциированным сотрудником Социологического института РАН и сотрудником Международного центра изучения русской при Институте философии Санкт-Петербургского университета

*****

EDITOR-IN-CHIEF

Lavrikova Irina Nikolaevna
Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Legal and Humanitarian Training Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot

EDITORIAL BOARD

Akchurina-muftieva Nuriya Munirovna
Doctor of Art History, Professor, Honored Artist of the Republic of Crimea, Laureate of the State Prize of the Republic of Kazakhstan, Professor of the Decorative Arts Department, Crimean Engineering Pedagogical University

Albekov Nurvadi Nasruddinovich
Doctor of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages and International Communication of the Chechen State Pedagogical University

Andrievskaya Svetlana Vladimirovna
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Technology and Teaching Methods of the Polotsk, State University Educational Institution (Republic of Belarus)

Bilyalova Albina Anvarovna
Head of the Department, Doctor of Philology, professor, member of the Dissertation Council of KFU.10.03, expert of the KFU Attestation Commission for the Humanities, the Berezhnochelninsky Institute (branch), Kazan (Volga Region) Federal University

Dzhelilov Akhtem Aliyevich
Academician, Professor, Doctor of Philology. Institute of Media Communications, Media Technologies and Design, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Dolgopolova Lilia Anatolyevna
Head of the Department of German Philology of the Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Doctor of Philology

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philology, Professor of the Kosygin Russian State Pedagogical University (Technology. Design. Art)

Zyablova Olga Alexandrovna
Doctor of Philology, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Ivanyan Elena Pavlovna
Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department, Culture of Speech and Methods of teaching them, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Socio-Pedagogical

University". Full member of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education, a follower of the scientific school of P. A. Lekant, the author of the Dictionary of Euphemisms of the Russian Language, a specialist in the field of semantics and pragmatics of linguistic units, the theory of the euphemism of the Russian language.

Kremshokalova Marina Chaflenovna

Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and General Linguistics of Kabardino – Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Kudinova Taisiya Anatolyevna

Doctor of Philology, Associate Professor, Rostov State Medical University, Professor of the Department of Pedagogy; Lugansk State Pedagogical University, Professor of the Department of Romano-Germanic Philology

Lelis Elena Ivanovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Media Communications, Northwestern Institute of Managemen

Mapelman Valentina Mikhailovna

Professor, Doctor of Philosophy, professor of the Moscow City Pedagogical University

Mineralova Irina Georgievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX-XXI centuries, Moscow Pedagogical State University (Moscow)

Pokhilko Alexander Dmitrievich

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy, Law and Social Sciences and Humanities Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Armavir State Pedagogical University"

Slozhenikina Yulia Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology, Synergy University (Moscow)

Solovyov Vladimir Mikhailovich

Historian, cultural critic, Doctor of Historical Sciences, professor, specialist in national history and culture. Professor of the Department of World Culture at Moscow State Linguistic University, is an associate fellow of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences and an employee of the International Center for the Study of Russian at the Institute of Philosophy of St. Petersburg University

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дударева Марианна Андреевна, Черкашина Елена Леонидовна
ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЭРОСА В «НЕМЕЦКОЙ» ПОВЕСТИ К. С. АКСАКОВА «ОБЛАКО»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД **11**

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Гукасова Эра Михайловна, Колчевская Валерия Алексеевна
АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ **18**

Ян Цаньцань, Коновалова Надежда Ильинична
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ФИКСАЦИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ **27**

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Гуань Линьли, Ло Хуньчунь
АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА М. А. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА») **33**

Малова Елена Владимировна
ЯЗЫК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКО-ЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ИСТОЧНИКОВ **41**

Усмонова Мухайё Носировна
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА **52**

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Воронцова Маргарита Дмитриевна
ФРАНЦУЗСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ **60**

Ибрагимова Раъно Абдушукуровна
НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАССИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ТАДЖИКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ **68**

Искендерова Нушаба Рамиз гызы
КОГЕРЕНТНОСТЬ И КОГЕЗИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕКСТА **76**

*****

CONTENT

RUSSIAN LITERATURE

Dudareva Marianna Andreevna, Cherkashina Elena Leonidovna
THE PHILOSOPHY OF RUSSIAN EROS IN K. S. AKSAKOV'S "GERMAN" NOVELLA "THE CLOUD": THE THANATOLOGICAL CODE **11**

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

Gukasova Era Mikhailovna, Kolchevskaya Valeria Alekseevna
ASSOCIATIVE EXPERIMENT: FEATURES OF HUMAN NOMINATION IN RUSSIAN AND GREEK LINGUOCULTURES **18**

Yang Tsancan, Konovalova Nadezhda Ilyinichna
LEXICOGRAPHIC PRACTICES OF RECORDING ACTIVE PROCESSES IN RUSSIAN VOCABULARY **27**

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Guan Linli, Luo Hunchun
ANALYSIS OF WAYS TO TRANSLATE A LITERARY TEXT INTO CHINESE (BASED ON THE MATERIAL OF M. A. SHOLOKHOV'S SHORT STORY "THE FATE OF MAN") **33**

Malova Elena Vladimirovna
THE LANGUAGE OF SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION USING THE EXAMPLE OF GERMAN-LANGUAGE MEDIA SOURCES **41**

Usmonova Mukhaye Nosirovna
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PARAMETERS OF MODELING THE COMMUNICATION SITUATION OF TAJIK AND ENGLISH SPEECH ETIQUETTE **52**

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Vorontsova Margarita Dmitrievna
THE FRENCH LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD THROUGH THE PRISM OF GASTRONOMIC PHRASEOLOGICAL UNITS **60**

Ibragimova Raino Abdushukurovna
SOME WAYS OF USING PASSIVE SYNTACTIC PHRASES IN ENGLISH AND THEIR TAJIK CORRESPONDENCES **68**

Iskenderova Nushaba Ramiz gizi
COHERENCE AND COHESION IN THE THEMATIC DEVELOPMENT OF THE TEXT **76**

*****

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФИЛОСОФИЯ РУССКОГО ЭРОСА В «НЕМЕЦКОЙ» ПОВЕСТИ К. С. АКСАКОВА «ОБЛАКО»: ТАНАТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Дударева Марианна Андреевна
Д-р культурологии, д-р филол. наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, РГУ им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)
SPIN-код: 5362-0507

Черкашина Елена Леонидовна
Кандидат филол. наук,
Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева
SPIN-код: 8029-1380

Актуальность исследования обусловлена нарастающим интересом в гуманитарной среде к онтологическим вопросам творчества, литературы, воплощающей в литературоцентричной России нашу национальную идею. В центре исследовательского внимания философия русского Эроса, выраженная в художественной форме. Материалом для герменевтики послужило творчество К. С. Аксакова, его фантастическая повесть «Облако», в которой воплотились одновременно черты русской традиционной культуры и немецкого романтизма. Большое внимание уделено семантике имен и фамилий, связанных с национальным алфавитом деревьев. Подробно рассматривается образ липы, поскольку липа в русской традиционной культуре является танатологически заряженным деревом. Дерево в художественном тексте К. С. Аксакова выполняет функции мировой оси. Методология работы сводится к онтогерменевтическому анализу с применением семантического анализа. Результаты исследования могут быть интересны культурологам и филологам, рассматривающим литературу в пространстве большого диалога культур, а также могут быть применены в преподавании курсов по русской литературе.

Ключевые слова: фольклор, фантастическая повесть, творчество Аксакова, немецкий романтизм, танатология, диалог культур.

PHILOSOPHY OF RUSSIAN EROS IN THE "GERMAN" STORY BY K. S. AKSAKOV "THE CLOUD": THANATOLOGICAL CODE

Dudareva Marianna Andreevna
Doctor of Cultural Studies, Doctor of Philological Sciences,
National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky,
Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art)
SPIN-код: 5362-0507

Cherkashina Elena Leonidovna
candidate of philological sciences,
Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy
SPIN-код: 8029-1380

The relevance of the study is due to the growing interest in the humanitarian environment in the ontological issues of creativity, literature, embodying our national idea in literature-centric Russia. The focus of the research is the philosophy of Russian Eros, expressed in artistic form. The material for hermeneutics was the work of K. S. Aksakov, his fantasy story "Cloud", which simultaneously embodied the features of Russian traditional culture and German romanticism. Much attention is paid to the semantics of names and surnames associated with the national alphabet of trees. The image of the linden is considered in *detail*, since the linden in Russian traditional culture is a thanatologically charged tree. The tree in the artistic text of K. S. Aksakov performs the functions of the world axis. The methodology of the work is reduced to ontohermeneutic analysis using semantic analysis. The results of the study may be of interest to cultural scientists and philologists who consider literature in the space of a large dialogue of cultures, and can also be applied in teaching courses on Russian literature.

Keywords: folklore, fantasy story, Aksakov's works, German romanticism, thanatology, dialogue of cultures.

*****

В заглавии нашей статьи, на первый взгляд, выразилось противоречие. С одной стороны, мы говорим об Эросе, да еще и в национальном преломлении, с позиций русского космо-психо-логоса (понятие Г.Д. Гачева), с другой стороны, стремимся выявить танатологический код, то есть указать на событие смерти в тексте. В мировой культуре Эрос и Танатос вступают в парадигматические отношения, они не существуют друг без друга, *и высший (космический) модус любви* всегда связан со смертью. В этом плане ярким примером выступает мировая традиция романтизма, где любовь сопряжена со смертью, даже с ее эстетизацией. В немецком романтизме и языке со смертью связан образ любимой (Geliebten у Новалиса, гимн Вечной женственности, характеризующийся устремлением ввысь, у Гёте в «Фаусте»), в русском космосе с *вещей невестой* также связаны поиски «иного царства», путешествие Ивана-дурака в русской волшебной сказке на «тот свет», которое символизирует инициационный путь и временную смерть. Эстетизацию смерти находим и в модернизме, в поэтической традиции начала XX века. Весьма показательно предсмертное стихотворение Сергея Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...» о приходе смерти к лирическому герою в образе милой, возлюбленной [1]. На тонкую грань между Танатосом и Эросом в отечественном литературоведении обращал внимание и танатолог Р. Л. Красильников в статье с характерным названием «Эротология и танатология в литературно-художественном тексте (на материале романа Л. Н. Андреева "Дневник Сатаны")» [2]. Автор работы рассматривает классический сюжет, основанный на пребывании Дьявола в мире людей, познающего в земном измерении и Любовь, и Смерть. Однако здесь вспоминается и немецкая традиция, известное произведение Э. Т. А. Гофмана «Эликсиры сатаны», в центре которого особое вещество, эликсир, совмещающий в себе Жизнь и Смерть. По этим причинам мы в своей статье, посвященной творчеству русского писателя XIX века, будем тоже отталкиваться от немецкой традиции. Она, с одной стороны, оказала прямое и значительное влияние на сознание наших писателей, с другой стороны, мы всегда помним о русском художественном феномене *всемирной отзывчивости*, о творческом освоении чужого национального космоса [3]. Последнее принципиально важно, когда размышляем о диалоге культур, в пространстве которого существует словесность.

Повесть «Облако» 1836 года К. С. Аксаков писал под влиянием идей немецкого романтизма и культуры, на что часто обращают внимание исследователи. В филологических работах последних лет данное произведение помещалось в контекст немецкой философии, мифа о детстве [4], рассматривалось в общем корпусе текстов русской фантастической прозы [5], проводился лингвистический анализ, позволяющий ученым сделать вывод о своеобразии жанровой природы повести, совмещающей в себе следы сказки и реалистические черты [6]. Это наблюдение наталкивает на мысль о том, что перед нами не простая фантастическая повесть, которая является стилизацией под немецкий романтизм, гофмановские новеллы (хотя в России 40-х годов XIX века творчество Э. Т. А. Гофмана было очень популярно и сам Аксаков разделял взгляды русских романтиков-шеллингианцев [7]), а произведение, в котором воплотился напряженный *культурный диалог* с чертами немецкого и русского космоса. И вот почему.

Автор статьи «Виртуализация языковой картины мира на примере повести К. С. Аксакова "Облако"» справедливо отмечает: «В повести "Облако" К. С. Аксаков не называет страну, город, местность, где происходят события, но дает достаточно реалистичное описание местности, времени суток и времени года» [6, с. 53]. Однако это замечание нуждается в некотором культурфилософском комментарии. Действительно, конкретных топонимов в повести мы не найдем, из ономастикона выделяются только имена главных героев, Лотарий Грюненфельд и Эльвира, и фамилия дамы, у которой жила девушка-облако, – Линденбаум, а также упоминается Англия, где встретились г-жа Линденбаум и Эльвира. Этого, кажется, недостаточно для прояснения точных координат, топоса, где разворачивается действие. Однако неслучайной кажется фамилия Линденбаум, которую можно разложить на две семы, linde и baum, что дословно можно перевести как «липовое дерево». Можно было бы списать это на поэтическую вольность, но исследования культурологов, посвященных немецкому космо-психо-логосу, замечания Г. Д. Гачева о семантической напряженности растительных символов в немецкой культуре наводят на мысль о глубокой переработке Аксаковым инонационального материала. Гачев отмечает: «Дерево здесь модель, равномощная Дому, – и такая же всеорганизующая и собирающая все под себя... Даже слово Baum = "дерево" означает одновременно и нечто "построенное" – от глагола bauen = "строить"» [8, с. 119-120]. Девушку-облако, которая живет на небе, счастлива в своих лазурных чертогах, вдруг привечает в своем земном доме женщина, которая становится ей своего рода матерью и которая вводит ее в светский круг, знакомит с людьми: «Год тому назад, когда я была еще в Англии, в один прекрасный летний вечер пришел ко мне какой-то старик и с ним прекрасная девушка. "Вот вам моя дочь, – сказал он, – я вам ее поручаю. Вы не будете раскаиваться, если ее возьмете"» [9, с. 490]. Таким образом, в *онтологическом плане* в повести выстраивается модель мирового древа, мировой оси – соединяется небо (образ девушки-облака) с землею (дом Линденбаум). Это дерево является своего рода просветом, выходом в символическое метафизическое пространство повести.

Отметим несколько культурфилософских моментов. Для немецкого космоса, по справедливому наблюдению Г. Д. Гачева, характерна устремленность ввысь, которая выражается в том числе через символ дерева (здесь и дома). Женское начало в немецком логосе не материализовано, а спиритуально оформлено и связано с внутренней жизнью души: «В других Космо-Психо-Логосах женская субстанция акцентирована как материальная, мать-земля, здесь же, где Muttersprache, – спиритуальная субстанция понимается матерински, как родина внутренней жизни души» [8, с. 118]. В немецком романтизме превалирует «ночное» сознание («Гимны к ночи» Новалиса), где тьма, бездна, хаос имеют амбивалентный статус и связаны с жизнью и смертью одновременно. В этом отношении точнее всего двуплановый характер бездны передает культурфилософское понятие Ungrund. Кстати, и в русской поэтической традиции ночь связана с экзистенциальными переживаниями героя [10].

Все эти культурологические замечания как бы накладываются на текст К. С. Аксакова и вполне применимы к сюжету русской повести: фамилия Линденбаум указывает на сопричастность Лотария и в первую очередь Эльвиры к мировому древу, центру мира; сама избранная писателем форма образа девушки-облака указывает на нематериализованность героини, делается акцент на ее чистой душе; встречи возлюбленных происходят в ночное время. Однако повесть не так проста и однозначна, как может показаться на первый взгляд. Видимо, неслучайно сам автор колебался относительно ее художественной ценности и дальнейшего издания. Разберемся в деталях.

Линденбаум, как отмечалось выше, в переводе на русский язык означает «липовое дерево». Интересно то, что липа является доминантной в *ритуальной растительной жизни* именно славян. В России, Польше, Боснии, Белоруссии липа выполняла культовые функции и считалась святым деревом, связанным с Рождеством Богородицы, ветки дерева использовались в семейных обрядах. Однако, как отмечает Т. А. Агапкина, липа также связана со смертью [11, с. 362] (нельзя срубать липовое дерево, причинять ему какой-либо вред). У Аксакова с липой связана не только фамилия Линденбаум, но и момент узнавания, распознавания Лотарием девушки-облака: «Лотарий принял на себя это впечатление лунной ночи. Ему так было хорошо, и он, предаваясь мечтаниям, погружаясь в блаженстве своего чувства, шел все далее и далее; он уже хотел выйти на небольшой луг, находившийся на краю сада, как вдруг ему послышался шум; он остановился под огромною липою, весь закрытый ее ветвями. На поляне стоял седой, высокий, пасмурный старик, весь в белом; перед ним, тоже в белом платье, – девушка с русыми волосами – то была Эльвира. Вполне облитые сиянием лунным, они казались видениями. Лотарий взглянул – точно молния осветила его душу. Он в одну минуту *перенесся за десять лет своей жизни*, он вспомнил и ночь, и луг, и этого старика, и эту девушку, виденную им еще в младенчестве, – ему теперь стало все ясно, он вспомнил, наконец, *все вспомнил*» [9, с. 494]. Липа, воплощающая мировую ось, укрывает Лотария в поворотный момент его жизни, позволяет герою как бы подсмотреть за иномирными существами, проникнуть в чужую тайну и тем самым приобщиться к сакральным знаниям.

Момент узнавания приходится на *ночное время*, которое является открытым, граница между мирами истончается, и в это время герой может получить знаки оттуда, свыше. Поэтика «ночного сознания» воплотилась в полной мере у М. И. Цветаевой:

Только *ночью* душе посылаются *знаки оттуда*,
Оттого все ночное, как книгу, от всех береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нежное чудо:
Свет и чудо – враги! [12, с. 86]

Ночное зрение и прозрение в немецкой литературной традиции в полной мере представлено в поэзии Новалиса, в «Гимнах к ночи», в которых поэт рад освободиться от уз и «оков света»: «Тогда ниспослала мне даль голубая с высот моего былого блаженства пролившийся сумрак – и сразу расторглись узы рожденья, оковы света» [13, с. 52]. Свет здесь носит амбивалентный характер – это и покров, «пелена» (die Binde), и апофатический свет, что неслучайно, поскольку «многие мотивы из “Гимнов к ночи” Новалиса восходят к христианской тематике» [14, с. 51]. В философии Новалиса смерть представляется необходимостью на пути к сакральным знаниям; «в “Гимнах ночи” лучезарная смерть, растворяющая человека в вечном и бесконечном космосе» [15, с. 138] организует и *Космос человека*. Только после этой инициации и открывается лик возлюбленной: «Сгинуло земное великолепье вместе с моею печалью. <…> Облаком праха клубился холм – сквозь облако виделся мне просветленный *лик любимой*» [13, с. 53]. В повести Аксакова первая встреча с девушкой-облаком также приходится на ночное время: «В одну жаркую ночь все семейство Грюненфельдов (это была фамилия Лотария) легло

спать на дворе, маленький Лотарий также; скоро заснул он, и когда нечаянно проснулся, то луна была высоко, и Лотарий, к удивлению и радости, увидал опять свое облачко, а за ним большое облако. Свет луны, сквозь тонкий мрак ночи, придавал еще более жизни фантастическим образам на небе. Промчались, пронеслись облака, спустились к земле и исчезли. Лотарий все еще смотрел на небо. Вдруг в роще послышался ему шум; он взглянул: между деревьев мелькала и приближалась стройная, бледная девушка, в которой он сейчас узнал свое облачко, а за нею высокий, мрачный старик, точь-в-точь, как то большое облако, виденное им опять на небе. Они вышли из рощи и тихо между собою разговаривали» [9, с. 485–486].

Обе встречи происходят ночью при луне. Итак, с *ночным сознанием* и *растительным орнаментом* (облака выходят в виде людей из рощи, Лотарий прячется под липой, госпожа носит фамилию Линденбаум) связано *божественное откровение* Лотария, который не случайно воспринимает Эльвиру не как женщину, а как ангела-хранителя: «Лотарий чувствовал, что любит Эльвиру, и не желал никакого ответного чувства. Он любил и благоговел перед нею, он уничтожался в своем чувстве; это был для него целый мир; он хотел только, чтобы он мог всегда любить ее, а не того, чтобы она его любила. Так дикий падает на колени перед солнцем, погружаясь в чувство благоговения и любви, и с благодарностию принимает лучи, которые оно льет на него, не замечая. (Здесь довольно собственного чувства, взаимности здесь и помину нет)» [9, с. 494]. Однако в этом и состоит загадка русского Эроса, воплотившегося в повести нашего писателя. Казалось бы, что счастье близко, Лотарий очистил свою душу, оставив мишуру света, даже стал снисходительно по-доброму реагировать на насмешки друзей: «Так шли дни, недели; Лотарий оставил свет и его законы, и его нигде не было видно. Понимаете ли вы это удовольствие – вырваться из круга людей, где жили вы внешнею жизнию, пренебречь их толками и досадою и предпочесть самолюбивому обществу одно существо, которое вы встретили здесь на земле, которое понимает вас и которому вы посвятили все свое время? Понимаете ли вы удовольствие улыбаться на шутки и насмешки друзей ваших, с которыми вы перестали видеться и которых неожиданно встретили, и думать про себя, смеясь над ними: "Они не знают, как я счастлив!" Лотарий был в таком положении; Лотарий был счастлив» [9, с. 491]. Но как только он узнает тайну, герои не смогут быть вместе. Если, например, у Э. Т. А. Гофмана в «Золотом горшке» Ансельм воссоединяется со своей возлюбленной, золотисто-зеленой змейкой, то в русском национальном образе мира *воплощенная любовь* невозможна. Эрос в России не воплощенный, не разделенный, по тонкому наблюдению Г. Д. Гачева [16, с. 287] (любовь пушкинской Татьяны, лермонтовской княжны Мери, Настасьи Филипповны у Достоевского). Только в смерти и через смерть могут соединиться любящие сердца: «Мать его грустила о сыне, расспрашивала его, но он ничего не мог ей сказать, и все усилия ее развлечь, рассеять Лотария были тщетны. Она подметила, что он становился радостен только при виде облака на небе, она даже заметила вид этого облака, но не могла добиться от сына объяснений. Однажды, пришедши к своему сыну, она нашла его мертвым, а по небу удалялись два легкие облачка» [9, с. 496]. Апофатичность момента заключается в том, что читатель доподлинно не знает, воссоединился ли Лотарий со своей возлюбленной, поскольку этими двумя облачками могли быть Эльвира и ее отец, но лингвистический анализ нас убеждает в обратном: «Оппозиция: "облако – облачко" указывает на формирование эмоционально-чувственного образа на стадии восприятия» [6, с. 53]. Культурфилософский комментарий парадигмы «Танатос – Эрос» и ее реализации в русском космо-психо-логосе также позволяет предположить, что герои воссоединяются после смерти.

Повесть К. С. Аксакова близка к гофмановским новеллам немецкого романтизма своим фантастическим элементом, «мифологизацией быта», которая является основной для поэтики Э. Т. А. Гофмана, а также к средневековому жанру видения, напоминающего сон наяву. Лотарий в момент узнавания и раскрытия тайны Эльвиры испытывает состояние *порога*: «Через минуту два облака промчались по небу. Лотарий долго пролежал, как оглушенный. Когда он высвободился, наконец, из

этого состояния, которое ни сон, ни обморок, было уже светло на дворе; все, что вспоминал он, казалось ему каким-то сном. Задумчиво пришел он домой» [9, с. 496]. По наблюдению А. Я. Гуревича, «…средневековый человек всем образом жизни <…> был вполне подготовлен к переживанию видений и крайне серьезному отношению к снам и галлюцинациям, равно как к прорицаниям и гаданиям» [17, с. 10]. Лотарий тоже был душой подготовлен к этому божественному откровению, но, в отличие от европейского варианта *воплощенной любви*, русский Эрос априори не осуществлен, воссоединение возможно только *в смерти*. Кроме того, на национальные черты в повести указывает и символ липы, характерный для славянской обрядовой культуры (липа проявляется в немецкой фамилии Линденбаум, липа охраняет Лотария в поворотный момент, липы растут под окном детской комнаты героя). К. С. Аксаков, увлекаясь культурой и литературой Германии, оставался при этом славянофилом. Обратившись к немецкому материалу, он совместил в своей повести «Облако» немецкую форму фантастической повести и русские Эрос и Логос, что делает его произведение особенным с точки зрения аксиологического и онтологического смысла и позволяет говорить об этой повести и с точки зрения феномена *всемирной отзывчивости*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дударева, М. А. Апофатические формулы русского фольклора: образы смерти в стихотворении С. А. Есенина «Голубая кофта. Синие глаза...» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – Т. 2, № 5. – С. 23–31.

2. Красильников, Р. Л. Эротология и танатология в литературно-художественном тексте (на материале романа Л. Н. Андреева «Дневник Сатаны») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 64–69.

3. Дударева, М. А., Рождественская, О. Ю. Язык поэзии Вадима Рабиновича: феномен всемирной отзывчивости // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2024. – Т. 26, № 4. – С. 37–43.

4. Пустошкина, Т. В. «Заоблачное» детство Константина Аксакова: воплощение немецкого мифа в судьбе и творчестве поэта // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). – С. 115–119.

5. Виноградова, О. И. Фантастика повестей XIX века – жанровый признак или литературный прием? // Вестник Костромского государственного университета. – 2009. – № 3. – С. 50–53.

6. Калашникова, Л. В. Виртуализация языковой картины мира на примере повести К. С. Аксакова «Облако» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 51–61.

7. Тихомиров, В. В. К. С. Аксаков о сущности словесного творчества // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 73–77.

8. Гачев, Г. Д. Ментальности народов мира. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2008. – 544 с.

9. Аксаков, К. С. Облако // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): сб. произведений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 484–496.

10. Дударева, М. А., Митронова, А. С. Экзистенциальный герой в лирике В. Ф. Дударева: метафизика ночи // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 215–217.

11. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: липа // Славянский альманах. – 2018. – № 3–4. С. 357–372.

12. Цветаева, М. И. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Эллис Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с.

13. Новалис. Гимны к ночи: пер. с нем. – М.: Энигма, 1996. – 188 с.

14. Давыдова, Е. В. Творчество Новалиса в контексте русской литературы XX века: дис. … канд. филол. наук. – М., 2001. 192 с.

15. Федоров, Ф. П. Романтический художественный мир: пространство и время. – Рига: Zinātne, 1988. – 454 с.

16. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 480 с.

17. Гуревич, А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» средних веков // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский государственный университет, 1977. – Вып. VIII. – С. 3–27.

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

УДК 8+81.2/811.14

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ОСОБЕННОСТИ НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ И ГРЕЧЕСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Гукасова Эра Михайловна
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры новогреческой филологии
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар

Колчевская Валерия Алексеевна
Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры новогреческой филологии
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар

В статье рассматривается образная номинация человека как многофункциональное явление с рядом целей (номинативная, коммуникативная, идентифицирующая, социально-различительная социально-различительная, экспрессивно-оценочная), а также ассоциативно-признаковая составляющая образной номинации человека. Отмечается, что в языковом сознании любого этноса складываются определённые культурные клише, к которым принадлежат ассоциативно-образные представления, отражающиеся в национальной манере речевого поведения. Проводится мысль о том, что ассоциативная связь определяется культурой народа во всей ее многоаспектности, всеми знаниями, опытом, чувственным восприятием. В средствах образной номинации человека, выявляется самобытность как языковой, так и внеязыковой действительности. Описание индивидуума посредством употребления знаний о реальностях окружающего мира освещает этноспецифику социума. Обладая особым положением в системе языка, номинация человека определяется как наиболее значительное понятие концептуальной и лингвистической картин мира.

Ключевые слова: образные номинации, языковая картина мира, языковое сознание, ассоциативно-признаковая составляющая, ассоциативный эксперимент, русская и греческая лингвокультуры.

ASSOCIATIVE EXPERIMENT: FEATURES OF HUMAN NOMINATION IN RUSSIAN AND GREEK LINGUOCULTURES

Gukasova Era Mikhailovna
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of New Greek Philology
Kuban State University,
г. Krasnodar

Kolchevskaya Valeria Alekseevna
Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Modern Greek Philology Kuban State University, Krasnodar.
E-mail: vkolchevskaya@bk.ru

The article considers the figurative nomination of a person as a multifunctional phenomenon with a number of goals (nominative, communicative, identifying, socially distinctive, expressive-evaluative), as well as the associative-featured component of the figurative nomination of a person. It is noted that in the linguistic consciousness of any ethnic group, certain cultural clichés are formed, which include associative-figurative representations reflected in the national manner of speech behavior. The idea is put forward that the associative connection is determined by the culture of the people in all its multifacetedness, all knowledge, experience, sensory perception. In the means of figurative nomination of a person, the originality of both linguistic and extra-linguistic reality is revealed. Description of an individual through the use of knowledge about the realities of the surrounding world illuminates the ethnospecificity of society. Having a special position in the language system, the nomination of a person is defined as the most significant concept of the conceptual and linguistic pictures of the world.

Keywords: figurative nominations, linguistic picture of the world, linguistic consciousness, associative-featured component, associative experiment, Russian and Greek linguocultures.

*****

Обладая особым положением в системе языка, номинация человека определяется как наиболее значительное понятие и концептуальной, и лингвистической картин мира. По мнению В. Н. Телия, слова, словосочетания и предложения предстают в качестве ключевых номинативных единиц, предназначенных для обозначения и номинации явлений, объектов окружающей действительности и событий, тем самым образовывая номинативный состав языка [19].

Согласно грамматической теории В.В. Виноградова, в русском языке огромным номинативным потенциалом обладает множество словосочетаний, что объясняется лакунами «в обозначении предметного ряда в любом функциональном стиле языка» [3]. Более того, особое значение обретают фразеологизмы, имеющие способность обозначать как отдельные, входящие в их состав, лексемы, так и словосочетание в целом, например, «язык без костей» (болтливый человек). В современном языкознании придерживаются мнения о том, что предложение выступает в роли номинативной единицы коммуникации, тем самым обозначая ситуации и события, где коммуниканты испытывают некое состояние, участвуя в действии.

Структура номинативной единицы напрямую определяет формирование целого ряда наименований, образовывающихся согласно установленной целостно-морфемной модели. К примеру, стилистически сниженное наименование некоторых видов деятельности, относящихся к женскому роду: профессорша, тренерша, скульпторша. Так, по мнению В. Г. Гака, существуют традиционные модели номинации, зависящие от языкового уровня:

− лексический, где новые номинативные единицы образуются посредством семантических или лексико-семантических изменений уже имеющихся в языке слов и словосочетаний. Также к данной модели можно отнести заимствования имён собственных из других языков;

− синтаксический, к которому относятся составные наименования, то есть словосочетания, фразеологизмы или предикативные образования. Данный способ номинации, основывающийся на описании объекта, является исконным;

− деривационный, при котором новые наименования формируются путем использования флексий по отношению к уже существующим лексическим единицам [4].

Современная лингвистическая теория воспринимает язык в качестве культурного национального кода, сквозь призму которого передается духовное, культурно-ценностное богатство носителей языка, их национальный менталитет. Более того, образная номинация человека даёт оценку как внешним, так и внутренним чертам характера индивидуума, тем самым образовывая значительный пласт лексики, к которому относятся лексемы («лиса» – хитрый человек), фразеологические единицы («заячья душа» – трусливый человек), сравнительно-сопоставительные обороты («пахать как лошадь» – человек, который много работает).

В то же время любой язык обладает культурно-исторически зафиксированной системой образов, регулярно транслируемой социумом в моменты коммуникации. По мнению Н. В. Павлович, явление языковой образности позволяет эмоционально воспроизвести сущность каких-либо явлений или объектов действительности [13].

Образная номинация человека предстает в качестве многофункционального явления, имеющего ряд целей:

− номинативная, транслирующая как интегральные, так и дифференциальные характеристики объекта: «сирота казанская», «γαλιάντρα» (жаворонок), «λαγωνικό» (гончая);

− коммуникативная, при которой суть сообщения заложена в самом наименовании лица: «студентка, комсомолка и просто красавица», «κτήνος» (зверь);

− идентифицирующая, которая подразумевает связь всех номинаций человека как индивидуализирующих знаков: «мужчина – женщина», «начальник – подчинённый», «ο βασιλιάς – ο δούλος» (царь – раб);

− характеризующая, несущая за собой прямую или косвенную оценку каких-либо свойств предмета, а также определяющая интеллектуальный уровень, род деятельности, внешние и физические особенности объекта: «пустое место», «пустая голова», «пуп земли», «ο μαρτυριάρης» (ябеда), «ο σπιτόγατος» (домосед), «ούτε κρέας, ούτε ψάρι» (ни рыба, ни мясо), «ο πέφτουλας» (ловелас), «αστρίτης» (человек со сверкающим взглядом, то есть умный), «χασομέρης» (бездельник), «ανοιχτοχέρης» (щедрый человек), «ανοιχτόμυαλος» (человек с широким кругозором);

− социально-различительная, указывающая на социальную среду (семья, работа, публичное место), общественное положение, окружающую обстановку, которые обуславливают употребление конкретных номинаций: «отец, папа, папуля, батюшка», «молодой человек, парнишка, юноша, хлопец, салага», «η ντάμα, η κυρία, η γυναίκα, η επιχειρηματίη, η δεσποινίδα, η γκόμενα»;

− побудительная, зависящая от желаемого номинатором результата воздействия на объект, то есть от личных эмоций по отношению к именуемому. Так, реципиент, воспринимая сообщение говорящего, может извлечь из внешней оболочки кодируемое знание: «на голову выше», «с царём в голове», «котелок варит» − хорошая оценка интеллектуальных способностей; «μηδέ τσοπάνος στα βουνά, μηδέ ζευγάς στον κάμπο», «ούτε γλυκό, ούτε ξινό», «ούτε κρύο, ούτε ζεστό» − характеристика человека, не имеющего индивидуальности;

− экспрессивно-оценочная, формирующая эмотивное поле, которое транслирует широкий спектр чувств и восприятий номинатором обозначаемой действительности (восхищение, неприязнь, одобрение, отрицание, радость, гнев), что выражается на семантическом уровне посредством языковых знаков: «старая вешалка», «чучело гороховое», «широкая натура», «ветряная мельница», «βλάκας με πατέντα» (набитый дурак), «η βρεγμένη γάτα» (мокрая кошка, что означает «побитая собака»), «παραχαϊδεμένος» (испорченный человек, избалованный вниманием) [22].

Семы, представляющие собой отражение свойств и характеристик объектов и явлений окружающего мира, включают в себя как семантический признак, так и семный конкретизатор, определяющий его содержание. К

примеру, сема «социальный статус» транслирует семантический признак «уровень образования» с помощью таких семных конкретизаторов, как «старшеклассник», «магистрант», «аспирант». Более того, семантические признаки подразделяются на закрытые и открытые. К первым, как правило, относятся антонимичные семные конкретизаторы: «молодой – пожилой», «женат – холост». В то же время открытые обладают множеством семных конкретизаторов, представленных такими семами, как «специальность»: «лингвист», «биолог», «геолог», «педагог».

Наряду с самобытностью языков, их уникальными свойствами возникают типологические линии, указывающие на тождественные характеристики, а также схожую структуру, что является результатом различных факторов: общность происхождения, языковые заимствования, схожие законы развития.

Согласно А.Г. Назаряну, в языковой картине мира основой образных номинаций являются возникающие ассоциации с объектами действительности, что определяется как «эталонизация» признаков [11]. Исходя из сказанного выше, предмет сравнения играет роль эталона приписываемого качества, к примеру: «наивный как ребёнок» (ребёнок – эталон простоты, доверчивости), «грязный как свинья» (свинья – эталон небрежности), «злая как ведьма» (ведьма – эталон враждебности, зла), «твёрдый как скала» (скала – эталон стойкости, прочности). Так, эталонные признаки можно отнести к семантическим показателям, находящимся на лингвистическом уровне.

По мнению В.Н. Телия, вторичная номинация предмета напрямую зависит от ассоциативных признаков, реализующихся в соответствии с образом мыслей носителей языка, их фоновыми знаниями [18]:

– «банный лист» – лист от банного веника (прямое значение) – свойство липнуть к мокрой коже (ассоциативный признак) – назойливый человек (образное значение);

– «кукла» – детская игрушка (прямое значение) – идеальные внешние пропорции (ассоциативный признак) – красивая женщина (образное значение);

– «клоун» – цирковой или эстрадный артист (прямое значение) – комичность (ассоциативный признак), человек, который паясничает (образное значение);

– «καρακάξα» (сорока) – птица (прямое значение) – звонкость голоса (ассоциативный признак) – болтливая женщина (образное значение);

– «σφήκα» (оса) – насекомое (прямое значение) – назойливость (ассоциативный признак) – напористый, настойчивый человек (образное значение);

– «παππούς» (дед) – пожилой мужчина (прямое значение) – опытность (ассоциативный признак) – старший и наиболее мудрый человек в какой-либо компании (образное значение) [23].

Так, согласно Ж.А. Вардзелашвили, образная номинация возникает в процессе переформирования доминирующих характеристик, на месте которых возникают второстепенные семантические признаки [2]. Так, наиболее распространённым способом номинации человека считается метафора, то есть троп, при котором лексемы, характеризующие какую-либо группу объектов, используются для обозначения иного класса предметов. По причине того, что фундаментом образа является реальная ситуация или предмет действительности, происходит его опредмечивание, при котором свойства описываемого объекта транслируются опосредованно

В классе имён существительных О.В. Кондрашова выделяет группу «характеризующих» лексем, употребляющихся в переносном смысле с целью обозначения какого-либо явления или предмета, основываясь на сходствах [8]. В данном случае лексической базой устойчивых образных характеристик считаются метафорический номинации, подразделяющиеся на определённые тематические группы:

– человек: «базарная баба», «Аполлон», «старый дед», «Обломов», «еврей», «Плюшкин», «Баба Яга», «ο σπασίκλας» (ботаник);

– животное: «павлин», «слон», «цепной пёс», «επιβήτορας», «δαμάλι»;

– растение: «мимоза», «сморчок», «поганка», «одуванчик», «перец», «шишка», «осиновый лист», «το φυτό», «άνθος», «κάκτος»;

– предмет: «кремень», «бочка», «пень», «άρτος» (хлеб), «η λιχούδα» (сладкоежка), «καραβοτσακισμένος» (сломанный корабль, то есть истощённый человек) [24].

Так, согласно мнению лингвокультурологов, в языковом сознании любого этноса складываются определённые культурные клише, к которым принадлежат ассоциативно-образные представления, отражающиеся в национальной манере речевого поведения. По мнению В. Н. Телия, данное явление обозначается как национальный устойчивый образ или концепт, являющийся методом воспроизведения самобытности метафорической картины мира каждого этнического сообщества [19]. Вместе с тем в разных культурах тождественные реалии могут порождать противоположные по своей эмоционально-оценочной составляющей ассоциации. К примеру, зооним «обезьяна» в русском языке подмечает такие человеческие качества, как невежество, шутовство, а в новогреческом языке «μαϊμού» является олицетворением хитрости, используемой в злых умыслах.

Ассоциативный эксперимент даёт возможность рассмотреть изменения в деятельности человеческой памяти, проанализировать когнитивное положение личности. В настоящее время данный приём является наиболее важным в некоторых областях науки, в том числе психологии, лингвокультурологии и социолингвистике.

Мы провели ассоциативный эксперимент с представителями русской и греческой культуры, где респондентам было предложено написать номинативные единицы, возникающие при наложении определённых внешних или духовных качеств на человека. Целевой аудиторией, анкетируемой на основе русского языка, выступили жители города Краснодар. Возрастная категория опрашиваемых варьируется от 20 до 25 лет. Результаты ассоциативного эксперимента были основаны на ответах 40 анкетируемых.

Респондентами, представляющими греческую культуру, выступили жители города Салоники, а также студенты Университета имени Аристотеля в количестве 30 человек. Возрастная категория опрашиваемых варьируется от 20 до 25 лет.

Рассматриваемыми категориями русского языка, соотносимыми по ассоциации, являлись: «умный человек», «глупый человек», «сильный человек», «слабый человек», «весёлый человек», «грустный человек», «богатый человек», «бедный человек», «высокий мужчина», «низкая женщина», «красивый мужчина», «красивая женщина».

Таблица 1 - Результаты ассоциативного исследования на материале русского языка

Внешние и духовные качества человека, соотносимые по ассоциации	Образная номинация, ассоциативно символизирующая данные качества
Умный человек	Учёный 9; кот / кот учёный 8; сова 5; дельфин 3; Эйнштейн 2; Соломон 2; Путин 2; профессор 2; Павел Дуров 2; Сперанский 2; Дом Советов 1; Бог 1; динозавр 1
Глупый человек	Осёл 7; курица 5; баран 5; пробка 4; ракушка 3; червяк 3; Митрофанушка 3; щенок 2; рыба 2; малыш 2; герои фильма «Тупой и ещё тупее» 2; воробушек 1; Иван-дурак 1

Сильный человек	Геракл 9; лев 6; боксёр 4; атлет 4; Халк 4; шторм 3; Кинг-Конг 2; бык 2; Арнольд Шварценеггер 2; мускул 2; вол 1; тяжелоатлет 1
Слабый человек	Ребёнок / младенец 8; колосок 6; букашка 4; интернет 3; тряпка 3; зрение слепого 2; птица в клетке 2; больной 2; воробушек 2; тюфяк 2; Венцеслав Венгржановский 1; сухое дерево 1; последняя надежда 1; пушинка 1; скелет 1; комар 1
Весёлый человек	Клоун 18; комик / юморист 6; шут 4; Верка Сердючка 3; Мистер Бин 3; хороший анекдот 2; Павел Воля 2; пёс 1; Петросян 1
Грустный человек	Пьеро 16; собака уличная / брошенная / бездомная 9; ослик Иа-Иа 5; мим 3; дождь 3; клоун 2; птица в клетке 1; прощальная улыбка 1; Таня Буланова 1
Богатый человек	Илон Маск 9; Билл Гейтс 5; президент 4; Скрудж Макдак 4; султан 3; король 3; шейх 3; Буратино 2; Марк Цукерберг 2; Рокфеллер 2; Путин 1; царь 1; Крёз 1
Бедный человек	Бомж 14; церковная мышь / мышь 8; студент 5; Папа Карло 3; сокол 3; нищий 2; бродяга 2; собственно «я» 2; житель трущоб 1
Высокий мужчина	Жираф 16; столб 7; Дядя Стёпа / Петя 5; гора 3; цапля 2; Гулливер 2; платан 2; гигант 1; папа 1; самооценка 1
Низкая женщина	Карлик 6; гном 5; хоббит 4; табуретка 4; гриб 4; трава 3; пень 2; пони 2; кроль 2; такса 2; мышь 2; корги 1; рулетка 1; карликовая берёза 1; Карлик Нос 1
Красивый мужчина	Бог 7; модель 4; Аполлон 4; павлин 3; Элвис Пресли 3; Ален Делон 3; Бен Аффлек 3; атлант 2; лебедь 2; доберман 2; конь 2; кувшин 1; океан 1; сын 1; Том Харди 1; собака 1
Красивая женщина	Модель 7; кукла 6; Афродита 5; цветок 4; Анджелина Джоли 3; королева 2; амазонка 2; Мэрилин Монро 2; Моника Беллуччи 2; Меган Фокс 2; богиня 2; человек 1; Венера 1; кошка 1

Источник: Составлено авторами на основании опроса

В ходе анализа результатов эксперимента нами была выявлена частотность употребления таких образных номинативных единиц, как «учёный» – по отношению к умному человеку, «осёл» – по отношению к глупому человеку, «Геракл» – по отношению к сильному человеку, «ребёнок» – по отношению к слабому человеку, «клоун» – по отношению к весёлому человеку, «Пьеро» – по отношению к грустному человеку, «Илон Маск» – по отношению к богатому человеку, «бомж» – по отношению к бедному человеку, «жираф» – по отношению к высокому мужчине, «карлик» – по отношению к низкой женщине, «Бог» – по отношению к красивому мужчине, «модель» – по отношению к красивой женщине.

Таким образом, для характеристики нравственных особенностей индивидуума носители русского языка склонны употреблять онимы, принадлежащие известными личностям, однако ставшие нарицательными, имена героев мультфильмов и сериалов, а также зоонимы которые, как правило, обладают негативной эмоционально-оценочной составляющей. Подчеркивая особенности внешних черт человека, респонденты выбирают приземлённые понятия, акцентируя внимание на наименованиях предметов, а также используют характеристики публичных людей, которые имеют определённую репутацию в социуме.

Рассматриваемыми категориями новогреческого языка, соотносимыми по ассоциации, являлись: «ένας έξυπνος άνθρωπος», «ένας ανόητος άνθρωπος», «ένας

δυνατός άνθρωπος», «ένας αδύνατος άνθρωπος», «ένας εύθυμος άνθρωπος», «ένας λυπημένος άνθρωπος», «ένας πλούσιος άνθρωπος», «ένας φτωχος άνθρωπος», «ένας ψηλός άντρας», «μια κοντή γυναίκα», «ένας όμορφος άνθρωπος»

Таблица 2 - Результаты ассоциативного исследования
на материале новогреческого языка
Источник: Составлено авторами на основании опроса

Внешние и духовные качества человека, соотносимые по ассоциации	Образная номинация, ассоциативно символизирующая данные качества
Ένας έξυπνος άνθρωπος	Κουκουβάγια 8; Δελφίνι 5; προφέσορας 3; σκύλος 3; πρόεδρος 2; Αφήνα 2; εμένα 2; βιβλίο 1; επιστήμονας 1; άνθρωπος 1; γάτα 1; πάπια 1
Ένας ανόητος άνθρωπος	Γαϊδούρι 8; ψάρι / χρυσόψαρο 6; κότα 5; περιστέρι 3; πετεινός 2; βόδι 1; εμένα 1; φελλός 1; πάπια 1; βλάκας 1; μαϊμου 1
Ένας δυνατός άνθρωπος	Σπαρτιάτης 5; λιοντάρι 5; Ηρακλής 4; ελέφαντας 3; βόδι 2; αρκούδα 2; ταύρος 2; αθλητής 1; μονομάχος 1; Χαλκ 1; μυρμήγκι 1; μπαμπάς 1; γορίλας 1; Αχιλλέας
Ένας αδύνατος άνθρωπος	Παιδί / μικρό παιδί / παιδί της Αφρικής 9; οδοντογλυφφίδα 6; πουλί 3; μυρμήγκι 3; σκουλήκι 2; σαύρα 1; λαγός 1; αδελφός 1; ποντίκι 1; εμένα 1; χαρακτήρας 1; λελέκι
Ένας εύθυμος άνθρωπος	Μαϊμού 6; κουτάβι 4; κωμικός 4; κοάλα 3; ανέκδοτο 2; Τσάτλι Τσάπλιν 2; κανένας 1; κλόουν 1; σπουργίτι 1; κερκοπίθηκος 1; οικογένεια 1; τρελός 1; χάμστερ 1; σκύλος 1; γάτα 1
Ένας λυπημένος άνθρωπος	Σκύλος 9; άρρωστος / σοβαρά άρρωστος 4; γάτα 4; βροχή 4; δουλειά μου 2; έναρξη του σχολείου 1; κλόουν 1; το πεσμένο γλειφιτζούρι 1; θέαμα 1; κύκνος 1; Πιερότος 1; τελευταίο χρόνο 1
Ένας πλούσιος άνθρωπος	Έλον Μασκ 6; Αριστοτέλης Ωνάσης 5; Μπιλ Γκέιτς 4; Ιβάν Σαββίδης 3; Jeff Bezos 3; Πινόκιο 2; Ρωσία 2; Γερμανικός Ποιμενικός 1; παγώνι 1; Πούτιν 1; σουλτάνος 1; μπαμπάς 1
Ένας φτωχός άνθρωπος	Ποντίκι 7; Αλβανός 4; φοιτητής 4; εμένα 4; Λάζαρος 2; άστεγος 2; Αφρικανός 2; χταπόδι 2; άνθρωποι 1; τσανκάρης 1; αποδημητικό σκυλί 1
Ένας ψηλός άντρας	Πελεκάνος 13 ; καμηλοπάρδαλη 13; σκελετός 3; δρυς 1
Μια κοντή γυναίκα	Νάνος 10; μανιτάρι 9; ποντίκι 7; γατούλα 2; λαγός 2
Ένας όμορφος άνθρωπος	Κωνσταντίνος Αργυρός 5; αστέρι 4; κούκλα 4; λουλούδι 3; άνθος 2; ψυχή 2; Λαμποργκίνι 2; Ντι Κάπριο 2; μοντέλο 1; λιοντάρι 1; διαμάντι 1; μητέρα 1; πρίγκιπας 1; Άλαν Ντελον 1

В ходе анализа результатов эксперимента нами была выявлена частотность употребления таких образных номинативных единиц, как «κουκουδάγια» – по отношению к умному человеку, «γαϊδούρι» – по отношению к глупому человеку, «σπαρτιάτης» – по отношению к сильному человеку, «παιδί» – по отношению к слабому человеку, «μαϊμού» – по отношению к весёлому человеку, «σκύλος» – по отношению к грустному человеку, «Έλον Μασκ» – по отношению к богатому человеку, «ποντίκι» – по отношению к бедному человеку, «πελεκάνος» – по

отношению к высокому мужчине, «νάνος» – по отношению к низкой женщине, «Κωνσταντίνος Αργυρός» – по отношению к красивому человеку

Согласно результатам ассоциативного эксперимента, для языкового сознания греков в большей степени характерно использование онимов, связанных с известными среди молодёжи личностями, по отношению к внешним данным как мужчин, так и дам. Нравственные качества человека наиболее часто изображаются посредством зооморфизмов, обозначающих домашних животных. Интересным является использование лексем, отражающих современные реалии: «δουλειά μου», что ассоциируется с грустным состоянием человека; «Ρωσία», что ассоциируется с богатством и щедростью; «Λαμπορκίνι», то есть нечто дорогое и прекрасное

На основе результатов данного эксперимента можно сделать вывод о том, что ассоциативная связь определяется культурой народа во всей ее многоаспектности, всеми знаниями, опытом, чувственным восприятием.

Таким образом, в средствах образной номинации человека, которые являются объектом нашего рассмотрения, выявляется самобытность как языковой, так и внеязыковой действительности. Описание индивидуума посредством употребления знаний о реальностях окружающего мира освещает этноспецифику социума. Более того, обладая особым положением в системе языка, номинация человека определяется как наиболее значительное понятие концептуальной и лингвистической картин мира.

В процессе анализа нами были установлены индивидуальные черты, характерные для языковой картины мира русского человека, которому свойственно употребление фразеологических единиц, имеющих антропоцентрическую направленность, без опоры на уникальное историческое прошлое. Однако существенным является склонность отображать сельский быт, деревенские приметы и поверья.

В новогреческой фразеологии неповторимой истории и судьбе народа придаётся огромное значение. Более того, акцент делается на патриархальном укладе жизни социума.

Нами было выявлено, что употребление идентичных образных номинативных единиц может иметь место при описании универсальных для двух этносов понятий. Однако в большинстве случаев устойчивые выражения, определяющие качества человека, являют собой маркеры национально-культурного мировоззрения, в котором формируется уникальное понимание действительности. Так, для каждого народа характерно использование определённого фонда лексических единиц, в состав которого входят разного рода онимы, служащие средством характеристики определённых объектов. Более того, названия животных являют собой инструмент для создания образного национального представления как о мужчинах, так и о женщинах.

Номинативные единицы, определяющие человеческие качества, были проанализированы в составе фразеологизмов, прецедентных текстов, а также в качестве самостоятельных лексем. Уникальность новогреческого языка заключается в том, что допускается возможность употребления сниженной лексики, то есть лексем-инвектив в разговорной и бытовой речи.

Мы обнаружили, что в обоих языках наиболее частотным является употребление фитонимов, зоонимов, а также мифонимов, которые образно характеризуют как внешние, так и внутренние особенности человеческого характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия, В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. Москва: Наука, 1981. – 269 с.

2. Виноградов, В.В. Русский язык // Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. Москва: Русский язык, 2001. – 719 с.

3. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. Москва: Школа «Языки русской культуры»., 1998. – 768 с.
4. Павлович, Н.В. Язык образов / Парадигмы образов в русск. поэтическом языке / Н. В. Павлович. Москва: Азбуковник, 2004. – 528 с.
5. Μπαντινιώτη, Γ. Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας, κέντρο λεξικολογίας, Αθήνα, 1998. – 380с.
6. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – Москва: Эксмо, 1976. 318 с.
7. Σηφάκης, Ν. Λαϊκή σοφία, 10000 ελληνικές παροιμίες, Αθήνα, 1995. – 367 с.
8. Вардзелашвили, Ж.А. Символизация обыденного в языковой картине мира / Ж.А. Вардзелашвили. – Москва, 2007. – 679 с.
9. Телия, В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка / В.Н. Телия. Москва, 2006. – 782 с.
10. Кондрашова, О. В. Характеризующие существительные в современном русском языке / функционально-семантический аспект / О.В. Кондрашова. – Санкт-Петербург, 1958. – 220 с.
11.Κριαρά, Ε. Νεοελληνικό λεξικό, Αθήνα, 1993. – 351 с.

УДК 811.581'373

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ФИКСАЦИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

Ян Цаньцань
Аспирант,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России,
Екатеринбург, Россия
SPIN-код: 4732-7756

Коновалова Надежда Ильинична
Доктор филологических наук, профессор,
Уральский государственный педагогический университет;
Уральский федеральный университет имени первого Президента России,
Екатеринбург, Россия
SPIN-код: 5984–0528

Статья посвящена анализу словарных практик представления активных процессов, отмечаемых в лексике русского языка на рубеже XX-XXI веков. Отмечается, что именно лексика наиболее ярко отражает динамику социокультурных процессов и лексикографические практики стремятся фиксировать изменения в общественном сознании. Так или иначе все актуальные темы и крупные события общественно-политической жизни отражены в языке. В данной статье представлены наиболее заметные процессы новой архаизации, деархаизации, специализации лексики, зафиксированные в российских средствах массовой информации, интернет-ресурсах и получившие отражение в словарях разных типов. Авторами выделены также семантические трансформации: расширение многозначности, процесс омонимизации. Отмечена актуализация отдельных лексико-семантических вариантов в структуре многозначных слов. Выявлена тенденция специализации и возвращения в активный запас целых словообразовательных гнезд, единицы которых ранее были представлены в толковых словарях как нейтральные общеупотребительные или как устаревшие.

Ключевые слова: русская лексикография, лексика, лексическая семантика, неологизмы, архаизация, словообразовательное гнездо, средства массовой информации.

LEXICOGRAPHICAL TECHNIQUES OF RECORDING ACTIVE PROCESSES IN RUSSIAN VOCABULARY

Yang Cancan
postgraduate student, Ural Federal University;
Ekaterinburg, Russia

Konovalova Nadezhda Ilyinichna
Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

The article is devoted to the analysis of dictionary practices of representing active processes noted in the vocabulary of the Russian language at the turn of the 20th-21st centuries. It is noted that it is vocabulary that most vividly reflects the dynamics of socio-cultural processes and lexicographic practices seek to record changes in public consciousness. Almost all current topics and major events of socio-political life are reflected in the language. This article presents the most notable processes of new archaization, dearchaization, specialization of vocabulary, recorded in Russian mass media, Internet resources and reflected in dictionaries of different types. The authors also highlight semantic transformations: expansion of polysemantics, the process of homonymization. The actualization of individual lexical-semantic variants in the structure of polysemantic words is noted. A tendency is revealed to return to the active stock of entire word-formation nests, units of which were previously presented in explanatory dictionaries as obsolete.

Keywords: russian lexicography, vocabulary, lexical semantics, neologisms, archaization, word-formation nest, mass media.

*****

Предварительные замечания

Активные процессы в русской лексике и фразеологии конца 20 – начала 21 вв. обусловлены как экстралингвистическими, так и собственно языковыми факторами [1], [2, С. 117-119], [3], [4, С. 92-93].

Можно выделить несколько векторов исследования лексикона:

1. Анализ поэтапной адаптации заимствований, которые буквально на наших глазах демонстрируют разные фазы своего существования в русском языке (появление в качестве неологизмов – переход в разряд общеупотребительной лексики – архаизация и переход в пассивный запас – возрождение с новыми семантическими или стилистическими параметрами). См., например: [5], [6], [7];

2. Анализ динамических процессов в лексическом составе разных форм русского национального языка [8], [9, С. 119], [10].

3. Анализ характера восприятия лексической и фразеологической семантики носителями современного языкового сознания [11], [12].

4. Лексикографическая интерпретация лексики последних десятилетий [13, С. 112–115]. В этом смысле одним из наиболее показательных примеров такого рода практик являются словари современного русского языка, фиксирующие языковые изменения в лексике конца XX – начала XXI века [14] и [15]. Эти словари представляют собой уникальный опыт лексикографической обработки авторским коллективом под рук. проф. Г.Н. Скляревской слов примерно одного десятилетия (словари вышли с интервалом в семь лет, указан временной диапазон в составе лексики в 10-15 лет). Далее все толкования значений приводятся по указанным источникам.

Материал исследования и основные результаты

Объем анализируемой выборки слов и устойчивых словосочетаний составил более 8000 единиц и около 20000 контекстов употребления, бОльшая часть из которых извлекалась из ежедневно обновляемого поискового электронного ресурса «Интегрум-профи», на котором размещены полнотекстовые версии российских периодических изданий.

Результатом анализа на первом этапе стало выявление тематических групп лексики, в которых наблюдаются изменения как в количественном составе, так и в семантике единиц, их синтагматических связях и стилистической маркированности. На следующем этапе с использованием методов компонентного анализа и ступенчатой идентификации выявлялись семантические преобразования в лексике рубежа веков.

Анализ материала позволил обнаружить некоторые тенденции:

1. Уход слова из активного употребления. Об этом свидетельствует отсутствие в словаре 2007 года единиц, зафиксированных в 2001 г. Можно предположить, что

наблюдается явление новой архаизации: слово стало неактуальным по экстралингвистическим причинам. Неслучайно к этому типу относятся слова тематических групп, наиболее подверженных обновлению в связи с общественно-политическими изменениями в стране и соответственно в языковом сознании социума. К таким сферам относятся: политика (*Кадеты*. *Полит*. Партия конституционных демократов; члены этой партии [14, С. 323]); экономика и финансовое дело (*Инвеститор*. *Экон*. = Инвестор [14, С. 301], *Маклерство*. *Коммерц. Фин*. Деятельность маклера [14, С. 432], *Фискальный*. *Фин*. Служащий интересам казны [14, С. 816]); религия (*Патриаршество*. *Рел*.= Патриархат [14, С. 564], *Певчий*. *Рел*. Хорист церковного хора [14, С. 565], *Религиозные предписания* (правила поведения, морально-этические нормы, которые надлежит соблюдать верующим [14, С. 2006]); оценка социальных явлений (*Вольнодумие* = вольнодумство. *Ирон* [14, С. 152], *Радетель*. *Ирон*. Тот, кто проявляет заботу о ком-, чем-л.; содействует, покровительствует чему-л [14, С. 648]; *Ведьмачить*. *Разг*. Быть ведьмой, заниматься деятельностью ведьмы [14, С. 110]; *Лавочник*. ①Частный торговец, владеющий лавкой (лавками). ②*Перен*. *Неодобр*. О том, кто занимается торговлей, коммерцией, как необразованном, невежественном человеке [14, С.407]).

2. Специализация слова, о чем свидетельствует появление *соответствующей пометы* в словарной статье лексемы, ранее приводившейся без помет. В таком случае слово из разряда широко употребительной лексики переходит в разряд профессионализмов или терминологии определенной сферы. Для удобства сравнения примеры ниже приводим парами (сначала из словаря 2001 г., затем из словаря 2007): *Левоцентрист*. Человек с левоцентристскими взглядами; член какой-л. левоцентристской партии, организации [14, С. 411] – *Левоцентристы*. *Полит*. Люди с левоцентристскими взглядами; левоцентристские партии, организации [15, С. 532] – *Либерализм*. Одно из влиятельных общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства [14, С. 416] – *Либерализм*. *Полит*. Одно из влиятельных общественно-политических течений, в центре внимания которого находится понятие свободы человека от социально-политических форм контроля со стороны государства [15, С. 538]; *Феминист*. Сторонник феминизма [14, С. 811] – *Феминист*. *Соц*. Сторонник феминизма [15, С. 1022]; *Дух*. *Мифол*. Бесплотное сверхъестественное существо, доброе или злое, связанное с жизнью людей [14, С. 238] – *Дух*. *Мифол*. *Парапсих*. Бесплотное сверхъестественное существо, доброе или злое, связанное с жизнью людей [15, С. 330].

Заметим, что обнаруживается тенденция закрепления в активном употреблении целых словообразовательных гнезд функционально-стилистически маркированных единиц, которых ранее были представлены в толковых словарях как межстилевые общеупотребительные. Например: *Фашизм*. Идеология и политика шовинизма и расизма, направленные на уничтожение демократии и установление авторитарных, репрессивных режимов [14, С. 809] – *Фашизм*. *Полит*. Идеология и политика шовинизма и расизма, направленные на уничтожение демократии и установление авторитарных, репрессивных режимов [15, С. 1020]. К этому же гнезду с соответствующей пометой относятся как само производящее (вершина гнезда) *фашист Полит*. Сторонник, последователь фашизма; член нацистской партии, так и производные *фашистский*. *Полит*. Прилагательное к *фашизм*, *фашист*; *фашизация*. Насаждение или распространение фашизма [14, С. 809] – *Фашизация*. *Полит*. *Публ*. Насаждение или распространение фашизма [15, С. 1020]

Наиболее показательными являются примеры из сферы политики (из общей выборки они составляют 70%). Кроме того, специализация отмечается в сфере психологии и психологических практик (соответственно 6%) и информатизации / цифровизации (соответственно 18%), что объясняется, по-видимому, активным развитием именно этих сфер жизни общества.

3. Появление новых устойчивых выражений, как правило, в рамках официально-делового стиля. Приведем, например, словарные дефиниции, в иллюстративной зоне которых отмечается массив устойчивых выражений,

отсутствующих в предыдущем словаре: *Президент*. ① *Полит*. Выборный глава государства (в большинстве стран с республиканской формой правления). Δ *Администрация президента*. Δ Вето *президента*. Δ *Полномочное представительство президента*. Δ *Полномочный представитель президента*. Δ *Полпред президента*. Δ *Послание президента* [15, С. 784]; *Губернаторский*. Относящийся к губернатору. Δ *Губернаторский корпус* (совокупность глав областных администраций). Δ *Губернаторское вето* [15, С. 269]; *Бизнес*. *Коммерц*. Предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т.п. Δ *Интеллектуальный бизнес* Δ *Челночный бизнес* Δ *Электронный бизнес* [15, С. 123-124]; *Маркетинг*. *Экон*. ②Система управления и организации деятельности предприятий по разработке новых видов продукции, производству и сбыту товаров или предоставлению услуг, исходя из потребностей рынка. Δ *Многоуровневый маркетинг* Δ *Сетевой маркетинг* [15, С. 563].

4. Изменение семантической структуры слова. Как правило, в этом случае меняется и соответствующая словарная помета. Это может быть связано, в частности, с несколькими процессами:

а) с развитием многозначности, например: *Бизнес*. *Коммерц*. Предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т.п. [14, С. 62] – *Бизнес*. ① *Коммерц*. Предпринимательская деятельность, связанная с коммерцией, производством и реализацией товаров, оказанием услуг населению и т.п. ② *Собир*. Предпринимательские структуры; бизнесмены [15, С. 123–124]; *Парламент*. *Полит*. Высший представительный орган государственной власти; Федеральное собрание РФ [14, С. 555] – *Парламент*. *Полит*. ① Высший представительный орган государственной власти; Федеральное собрание РФ. ② О высшем представительном органе городского, областного управления.③ Европейский парламент (см. Европейский) [15, С. 709];

б) с утратой одного из лексико-семантических вариантов полисеманта или его функциональной «переакцентировкой», что фиксируется соответствующими пометами: *Аутсайдер*. ① *Экон*. Предприятие (обычно мелкое или среднее), не входящее в монополистическое объединение. ② *Перен*. *Публ*. О ком-, чем-л., не выдерживающем конкуренции, остающемся последним [14, С. 41] – *Аутсайдер*. ① *Спорт*. Спортсмен, команда, занимающие в соревнованиях одно из последних мест и не оказывающие влияния на борьбу за призовые места. ② *Перен*. *Публ*. О ком-, чем-л., не выдерживающем конкуренции, остающемся последним [15, С. 98]; *Масленица*. *Рел*. *Разг*. Древнеславянский праздник проводов зимы, отмечаемый блинами и различными уверениями (разведением костров, в которых сжигают чучело зимы, катанием на лошадях и т.п.) и приуроченный христианской церковью к мясопустной неделе [15, С. 438] – *Масленица*. *Разг*. Древнеславянский праздник проводов зимы, отмечаемый блинами и различными уверениями (разведением костров, в которых сжигают чучело зимы, катанием на лошадях и т.п.) и приуроченный христианской церковью к мясопустной неделе [15, С. 565].

Можно заметить, что чаще во всем массиве проанализированной лексики данного типа снимаются пометы *церк.*, *религ.*, а также словарные конкретизаторы, типа *католический, православный* и др., связанные с религиозными верованиями, что объясняется, возможно, широкой популярностью описываемого явления в обыденной жизни;

в) с распадом многозначности и появлением омонимов. При этом процесс омонимизации, по мнению составителей словаря, завершен, т.к. слова даются в разных словарных статьях. Например: *Крещение*. *Рел*. Первое из семи христианских таинств, совершение которого связывается с принятием человеком христианства [14, С. 394] – *Крещение*[1]. *Рел*. Первое из семи христианских таинств, совершение которого связывается с принятием человеком христианства. *Крещение*[2] *Рел*. = Крещение Господне [15, С. 515].

Заметным фактом в лексикографической практике представления акутальной лексики стало увеличение префиксальных производных со значением

«нечто (предмет, признак) противоположное или противодействующее тому, что названо производящим существительным, прилагательным …». К такого рода моделям относится образование существительных, прилагательных, наречий и глаголов с префиксами а-, де-, противо- и анти-. Последняя модель является безусловным лидером в данной группе. Так, если в Словаре 2001 года проивзодных с префиксом анти- было 67, то в Словаре 2007 уже 95 (для сравнения: русский аналог противо- представлен только в 6 проивзодных по данным Словаря 2007 г.), и все они отражают наиболее значимые векторы развития общественного сознания. Приведем в качестве примеров только те слова, которые появились в последнем словаре [15, С. 67-79], а также пометы к ним и типовую сочетаемость: *антивандальный (домофон, вариант замка, окраска лифтов, характеристики туалетной кабины, интернет-терминалы, атоматы, которые сломать практически невозможно)*; *антиинфляционный*. *Экон*. (*стратегия, механизм, преодоление инфляции, акциз, система*); *антивирусолог* (*интернет-эпидемия, сетевые черви, Касперский*); *антиспамерский*, *антиспамовый* (*акция, действие, движение, закон, документ, арсенал*); *антиглобализм* (*протесты, концепция глобализации, движение против*), *антидемократизм, антидемократично, антидемократичность, антидемократичный* – все с пометой *полит*. (*крайний, ксрытый, проект, выраженный, режим, власти, ситуация*); *антинаркотический* (*интернет-проект, фонд, служба, закон*); *антиникотиновый* (*пластырь, фиточай, препараты, бум, камапания*); *антитабачный* (*закон, курс, проект, правила, законопроек, треклама*); *антитоксины* (*вещества, «нападения», вырабатывать, сохранять*). Такая лексикографическая практика лаконично «интерпретирует» семантические кластеры функционирования анализируемых слов, акцентируя внимание на актуальных проблемах общественного развития: экономика, политика, национальное благосостояние [16].

В заключение можно сделать вывод, что путем сопоставления лексикографических проектов двух толковых словарей под ред. проф Г.Н. Скляревской (2001 и 2007 гг.), выявляются такие тенденции, как новая архаизация (вторичная архаизация некогда устаревшей лексики, вернувшейся в активный запас и снова подвергшейся архаизации); специализация лексики, выражающаяся в сужении сферы употребления слов [17], что отражает профессионализацию языка в условиях развития новых областей знания; семантические трансформации, включая расширение многозначности; процесс омонимизации; актуализация отдельных словообразовательных моделей и словообразовательных гнезд.

Анализ словарей *одного и того же авторского коллектива* с минимальным для теории и практики лексикографии временным диапазоном оказался весьма продуктивным для выявления активных процессов в лексике. Такой подход снимает проблему определения индивидуальных авторских подходов к самой концепции подачи языкового материала в словаре, а также к выбору лексикографических техник интерпретации определенных групп лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнова И. А. "Контенты", "баттлы", "квесты": закономерность развития языка, креативность пользователей или нечто иное? / И.А. Бубнова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2018. – № 2. – С. 59-72.

2. Гридина Т. А. Словарь В. И. Даля и современная ассоциативная лексикография / Т. А. Гридина // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 117-126. – DOI 10.51762/1FK-2021-26-04-10.

3. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985 1995). – М., 2000. – С. 32-65.

4. Коновалова Н. И. Новое научное направление в лингвистике рубежа веков / Н.И. Коновалова // Филологический класс. – 2011. – № 25. – С. 92-93.

5. Герасименко Н. А. Язык и актуальные проблемы образования / Н.А. Герасименко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2019. – № 3. – С. 186-189.

6. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии / Л.П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 320 с.

7. Ян Ц. Устаревшая лексика в русском и китайском языках: идеографическая классификация / Ц. Ян // Linguistica juvenis. – 2022. № 24. – С. 292–301.

8. Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина, И. Т. Вепрева [и др.] ; Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2014. – 324 с.

9. Гридина Т. А., Коновалова Н.И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119-131. – DOI 10.17223/22274200/11/8.

10. Шмелькова В. В. Русская лексика в первой трети и в конце XX века (социолингвистические параллели) / В.В. Шмелькова // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2009. – №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-leksika-v-pervoy-treti-i-v-kontse-hh-veka-sotsiolingvisticheskie-paralleli (дата обращения: 20.03.2025).

11. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативно-вербальная сеть как динамическая модель языкового сознания: экспериментальные данные / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2020. – № 18. – С. 27-47. – DOI 10.26170/pla20-01-04.

12. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

13. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В.Г. Костомаров. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2104. – 220 с.

14. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: АСТ, 2001. – 900 с.

15. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.

16. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности : коллективная монография / И. А. Стернин, К. М. Шилихина, Ю. Е. Прохоров [и др.]; Уральский Межрегиональный Институт Общественных наук; отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М.Горького, 2006. – 561 с.

17. Ян Ц. Лексика и фразеология как отражение актуальных процессов в обществе / Ц. Ян // Linguistica juvenis. 2024. № 26. – С. 140-152.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 81

АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА М. А. ШОЛОХОВА «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА»)

Гуань Линьли
кандидат филологических наук, доцент
Гуандунского второго педагогического института,
КНР, Гуанчжоу

Ло Хуньчунь
аспирант факультета русского языка и литературы
Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли,
КНР, Гуанчжоу

В статье представлен анализ китайского перевода рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека», а также осуществлено теоретическое осмысление методов перевода художественных произведений. Проведенный сопоставительный анализ оригинального и переводного текстов фокусируется на четырех основных аспектах: особенностях передачи пейзажных описаний, функционировании культурно-специфической лексики, трансформациях в диалогах персонажей и применении приемов смыслового развития. Результаты исследования свидетельствуют о том, что использование соответствующих риторических средств позволяет эстетически адекватно воспроизвести пейзажные описания в соответствии с китайской литературной традицией; функциональное применение редупликации, звукоподражательных элементов, четырехсложных идиом и разговорных оборотов существенно повышает экспрессивность и естественность переводного текста; адекватный выбор лексических соответствий обеспечивает объективную передачу образов персонажей и их взаимоотношений; применение приемов смыслового развития способствует экспликации имплицитных смыслов художественного произведения. Теоретическая значимость работы обусловлена интеграцией концептуальных положений теории перевода с анализом конкретного материала, что вносит вклад в развитие методологии литературного перевода.

Ключевые слова: литературный перевод, культурно-специфическая лексика, разговорная стилистика, смысловое развитие.

ANALYSIS OF LITERARY TEXT TRANSLATION METHODS INTO CHINESE (BASED ON M. A. SHOLOKHOV'S SHORT STORY “THE FATE OF A MAN”)

Guan Linli
PhD. of philology, associate professor, Guangdong University of Education,
China, Guangzhou

Luo Hongchun
postgraduate student at Guangdong University of Foreign Studies,
China, Guangzhou

This article presents a comprehensive analysis of the Chinese translation of Mikhail Sholokhov's story "The Fate of Man" and offers a theoretical conceptualization of literary translation methods. The comparative analysis of the original and translated texts focuses on four key aspects: peculiarities of rendering landscape descriptions, functioning of culture-specific vocabulary, transformations in character dialogues, and application of semantic development techniques. The research findings demonstrate that the use of appropriate rhetorical devices allows for aesthetically adequate reproduction of landscape descriptions in accordance with Chinese literary traditions; the functional application of reduplication, onomatopoeic elements, four-character idioms, and colloquial expressions significantly enhances the expressiveness and naturalness of the translated text; the adequate selection of lexical correspondences ensures objective representation of characters and their relationships; the application of semantic development techniques facilitates the explication of implicit meanings in the literary work. The theoretical significance of this study lies in the integration of conceptual principles of translation theory with the analysis of specific material, which contributes to the development of literary translation methodology.

Keywords: literary translation, culture-specific vocabulary, colloquial stylistics, semantic development.

*****

Рассказ «Судьба человека» М. А. Шолохова занимает особое место в творчестве лауреата Нобелевской премии по литературе. Произведение получило широкое признание в отечественном и зарубежном литературоведении: Д. Д. Благой характеризовал его как «шедевр социалистического реализма» [цит. по: 5], Н. Л. Лейдерман рассматривал «Судьбу человека» как «русский извод жанра новеллы» [8], исследователи отмечают значение рассказа как своеобразной «точки отсчёта» новой литературы о войне.

Перевод рассказа на китайский язык был выполнен уже в 1956 году, сразу после публикации произведения в газете «Правда», что свидетельствует о востребованности творчества М. А. Шолохова в китайской литературной среде.

Несмотря на более чем полувековую историю изучения рассказа в Китае, переводоведческий аспект его освоения остается недостаточно разработанным: существующие работы ограничиваются либо частными лексико-стилистическими вопросами [9; 12; 13; 14], либо общетеоретическими проблемами межкультурной коммуникации [16]. Между тем структурно-типологические различия между русским и китайским языками, а также специфика национальных литературных традиций актуализируют необходимость специального изучения переводческих стратегий и приемов межъязыковой адаптации художественного текста.

Цель работы состоит в выявлении и описании основных приемов передачи смысловых, стилистических и национально-культурных элементов рассказа «Судьба человека» в китайском переводе.

Теоретические основы художественного перевода в российской переводоведческой школе определяются концепциями ведущих исследователей – В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, Л.С. Бархударова.

В.Н. Комиссаров сформулировал принцип функциональной эквивалентности, в соответствии с которым приоритетной задачей перевода является воспроизведение коммуникативной функции оригинала, а не механическое воссоздание языковых форм [6]. Л.С. Бархударов систематизировал понятие межъязыковых трансформаций как закономерных преобразований, обусловленных структурными различиями языков [3]. А.Д. Швейцер, исследуя специфику художественного перевода, обосновал неизбежность семантических и стилистических модификаций при условии сохранения эстетической доминанты произведения [10]. Представители российской школы переводоведения подчеркивают, что адекватная передача художественного текста требует

органического соединения лингвистической компетенции переводчика с его способностью к воссозданию национально-культурного своеобразия и эмоционально-эстетического потенциала оригинала.

Пейзажные описания играют важную роль в рассказе «Судьба человека». Рассмотрим пример:

«Первая послевоенная весна была на Верхнем Дону на редкость дружная и напористая. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и уже через двое суток начисто оголились пески левобережья Дона, в степи вспухли набитые снегом лога и балки, взломав лед, бешено взыграли степные речки, и дороги стали почти совсем непроездны» [11].

译文(1)：在顿河上游，战后的第一个春天显得特别爽朗，特别蓬勃。3月底，从亚速海一带吹来暖洋洋的春风，吹了两天两夜，就把顿河左岸的砂滩清清楚楚地显露出来，草原上的谷地和山洞由于积雪，似乎显得比过去更宽阔了，小河凿开冰面，汹涌奔流，这样一来，道路就简直无法通行了。

Перевод (1): В донском верховье первая послевоенная весна выдалась на редкость дружной и бурной. В конце марта из Приазовья подул теплый весенний ветер, и через двое суток пески на левом берегу Дона стали совершенно чистыми, лога и балки в степи, наполненные снегом, казалось, стали шире прежнего, речки, вскрыв лед, бурно заиграли, и дороги стали почти совершенно непроезжими.

译文(2)：战后的第一个春天来得特别早，一下子就在顿河上游站住了脚跟。三月末，亚速海一带刮来了阵阵暖风，仅仅过了两天两夜，顿河左岸的沙滩就全露了出来，草原上存雪的沟沟谷谷都胀得鼓鼓的，小溪顶开坚冰，发了疯似的奔腾咆哮着。这样一来路也就没法走了。

Перевод (2): Первая послевоенная весна пришла на Верхний Дон на редкость рано и сразу утвердилась. В конце марта из Приазовья подули теплые ветры, и всего через двое суток полностью обнажились пески левобережья Дона, набухли лога и балки в степи, полные снега, речки, взломав лед, бешено заревели и заиграли. Дороги стали почти непроезжими.

Лексема «дружная» характеризует быстрое наступление весны, а «напористая» – решительность, упорство и интерпретируется как стремительность весеннего прихода. Оба определения характеризуют весну, что дает возможность объединить их при переводе. Однако буквальный перевод «Первая послевоенная весна выдалась на редкость дружной и бурной» (перевод 1) не обладает достаточной экспрессивностью и не соответствует стилистическим особенностям китайского языка, где при описании пейзажа традиционно используется олицетворение для создания динамики и наглядности. Во втором переводе «Первая послевоенная весна пришла на Верхний Дон на редкость рано и сразу утвердилась» (站住了脚跟 – букв. «встала на ноги») используется олицетворение, что усиливает образность текста.

Аналогично, во фразе «взломав лед, бешено взыграли степные речки» глагол «взломать» (凿穿, 破开) преимущественно соотносится с антропоморфными действиями. Перевод «речки, взломав лед» использует олицетворение, характерное для китайской литературной традиции в описании природы, что делает образ более живым и выразительным.

М.В. Алимова подчеркивает, что художественное произведение прежде всего оказывает эстетическое воздействие: «такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, в которых целью является информативность» [2, с. 48].

Китайский язык располагает богатым арсеналом специфических лексических средств: идиоматическими выражениями чэнъюй, редуплицированными конструкциями, ономатопоэтическими элементами и коллоквиализмами. Применение указанных языковых средств в переводе художественных произведений обеспечивает не только точную передачу семантики оригинала, но и воссоздание его стилистического своеобразия с сохранением экспрессивности и ритмико-интонационных особенностей текста. Корректная интерпретация оригинала и функциональное использование культурно-

специфических китайских лексем способствуют оптимальной передаче художественного своеобразия исходного текста.

Редупликация представляет собой специфический для китайского языка способ словообразования и экспрессивного выражения. Применение данного приема усиливает ритмические характеристики текста, повышает его фонетическую выразительность и способствует более образной репрезентации описываемых объектов или персонажей.

Рассмотрим пример: «Колеса по самую ступицу проваливались в отсыревший, перемешанный со снегом и льдом песок, и через час на лошадиных боках и стегнах, под тонкими ремнями шлеек, уже показались белые пышные хлопья мыла, а в утреннем свежем воздухе остро и пьяняще запахло лошадиным потом и согретым деготком щедро смазанной конской сбруи» [11].

车轮陷在混和着冰雪的湿漉漉的砂地里，一直陷到轮毂。一小时以后，在马的腰部和大腿上，在后辙的细皮带下，已经密密地出现了一圈圈白色的汗花。由于马具上涂过厚厚的柏油，在早晨新鲜的空气里．就强烈而醉人地散发着马汗和暖烘烘的柏油的味儿。(Колеса по самую ступицу вязли в сыром песке, смешанном со снегом и льдом. Через час на боках и бедрах лошадей под тонкими ремнями шлеи уже густо выступили белые хлопья пены. От щедро смазанной дегтем сбруи в свежем утреннем воздухе остро и пьяняще пахло лошадиным потом и теплым дегтем.)

Фраза «уже показались белые пышные хлопья мыла» согласно семантике оригинала, должна быть переведена как «уже плотно появились белые хлопья пены» (已经密密地出现了白色的汗花). Однако использование редупликации «一圈圈» (кружочками/кольцами) для детализации описания белых хлопьев пены придает изображению дополнительную динамику, а языку – выразительность и образность.

Аналогично, в словосочетании «согретым деготком щедро смазанной конской сбруи» лексема «согретый» при буквальном переводе обозначает «теплый» (温暖的). При этом китайская редуплицированная конструкция «暖烘烘» (тепленький/горяченький) более точно соответствует стилистическим особенностям китайского языка, повышая эстетическую ценность переводного текста.

Рассмотрим еще один пример редупликации: «Я бережно извлек из кармана раскисшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы» [11].

我小心翼翼地掏出那包泡过水的烟,蹲下身去,把潮湿变黄的烟卷一支支摊在篱笆上。(Я осторожно вынул из кармана размокшую пачку, присел на корточки и стал по одной раскладывать на плетне влажные, побуревшие папиросы.)

Перевод наречия «бережно» с использованием редуплицированной конструкции «小心翼翼地» (осторожно-осторожно / с большой осторожностью) обладает повышенной экспрессивностью по сравнению с нейтральным «小心地» (осторожно), более адекватно передавая трепетное отношение персонажа к описываемому предмету.

Звукоподражательные лексические единицы имитируют акустические феномены окружающей действительности. Использование данных единиц в художественном тексте способствует экспрессивной и образной передаче особенностей предметов, характера действий и эмоционально-психологических состояний персонажей, создавая у читателя эффект непосредственного присутствия.

«Там, где было особенно трудно лошадям, мы слезали с брички, шли пешком. Под сапогами хлюпал размокший снег, идти было тяжело» [11].

碰到马特别难走的地方，我们就下车步行。浸水的雪在鞍了底下发出吱咕吱咕的声音，走起来很吃力；(Там, где лошадям было особенно трудно, мы слезали с брички и шли пешком. Под сапогами чавкал мокрый снег, идти было тяжело;)

В предложении «Под сапогами хлюпал размокший снег» глагол «хлюпать» обозначает «издавать чавкающие звуки при ходьбе по жидкой грязи или мокрому снегу», что само по себе представляет звукоподражание. В китайском переводе

используется соответствующая звукоподражательная конструкция «吱咕吱咕», фонетически имитирующая описываемый звук.

«Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» [11].

我把牙齿咬得咯吱咯吱响，对他说：你准是个兽医，不是给人看病的医生。你这没心肝的，干什么在人家痛的地方按得那么重啊？(Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что ж ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?»)

Глагол «скрипеть» обозначает «производить скрипящий звук». В применении к зубам переводится звукоподражательной конструкцией «скрипеть зубами» (牙齿咬得咯吱咯吱响), что создает выразительный образный эффект.

Чэньюи представляют собой устойчивые фразеологические обороты в китайском языке, преимущественно состоящие из четырех иероглифов. Значительная часть этих выражений этимологически восходит к классическим литературным произведениям. Четырехсложные идиоматические конструкции характеризуются лаконичностью формы и семантической насыщенностью [4]. Они также выполняют функцию гармонизации синтаксических структур, придавая тексту ритмическую организованность.

«Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, видавший виды «виллис», оставленный там еще зимою» [11].

我们把马打发回去。在对岸集体农庄的板棚子里，有一辆饱经风霜的老爷吉普车在等着我们，这还是冬天留在那边的。(Мы отпустили лошадей. На той стороне в колхозном сарае нас ожидал старенький, повидавший виды «виллис», оставленный там еще зимой.)

Фразеологизм «видать виды» изначально обозначает «бывалый, многоопытный» и традиционно соотносится с характеристикой человека. В данном контексте выражение применено к механическому объекту – старому автомобилю – с использованием стилистического приема олицетворения. Китайский чэньюй «饱经风霜» (букв. «насытившийся ветрами и инеем», т.е. «повидавший виды») более эффективно передает ветхость и изношенность старого транспортного средства, обладая повышенной образностью по сравнению с нейтральными атрибутами «старый» или «ветхий».

«Вдвоем с шофером мы не без опасения сели в ветхую лодчонку. Товарищ с вещами остался на берегу» [11].

我跟司机两人提心吊胆地跳上破旧的小船。(Вдвоем с шофером мы не без опасения сели в ветхую лодчонку.)

Выражение «не без опасения» при стандартном переводе эквивалентами «с тревогой, со страхом» (担忧地, 害怕地) утратило бы экспрессивность. Использование китайского чэньюя «提心吊胆» (букв. «сердце поднялось, желчный пузырь повис», т.е. «со страхом и трепетом») не только повышает образность текста, но и демонстрирует эстетические возможности китайского языка.

«Хутор раскинулся далеко в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны» [11].

村庄远在一边，埠头附近一片寂静。这种冷清的光景，只有在深秋和初春人烟稀少的地方才有。(Хутор раскинулся далеко в стороне, и у причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только поздней осенью и в самом начале весны.)

Лексема «безлюдный» (人很少的) переводится китайским чэньюем «人烟稀少» (букв. «людей и дыма [от очагов] мало»), что придает тексту дополнительную благозвучность.

«А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души» [11].

可是父亲、母亲和妹妹都在家里饿死了。只剩下我一个人，无亲无故、孤苦伶仃。(А отец с матерью и сестренкой дома умерли от голода. Остался один. Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души.)

Фраза «Родни – хоть шаром покати, – нигде, никого, ни одной души» переводится чэньюем «无亲无故，孤苦伶仃» (без родных и близких, одинок и беспомощен). Текст характеризуется лаконичностью, образностью и соответствием нормам китайского языка.

Чэньюй как репрезентант национальной культуры глубоко интегрирован в китайскую лингвокультуру. Линь Мэй отмечает, что использование чэньюя способствует формированию эмоциональной связи между участниками межкультурной коммуникации: «чэньюй как национально-культурное наследие передаётся от поколения в поколение» [9, с. 42].

Разговорные обороты в художественном тексте выполняют функцию индивидуализации речи персонажей и создания эффекта естественной коммуникации. При переводе на китайский язык особенно важно адекватно передать стилистические особенности разговорной речи.

«Одному-то и курить, и помирать тошно. А ты богато живешь, папироски куришь. Подмочил их, стало быть? Ну, брат, табак моченый, что конь леченый, никуда не годится. Давай-ка лучше моего крепачка закурим» [11].

你的日子倒过得不错呀：抽纸烟。看样子，你把纸烟弄湿了，是不是？嘿，老兄，泡过水的烟，就好比害过病的马，说什么也不中用啦。还是来抽抽我的辣烟草吧。(Одному и курить, и помирать тошно. А ты богато живешь, папиросы куришь. Подмочил их, значит? Ну, брат, табак моченый – что конь леченый: никуда не годится. Давай лучше моего крепкого закурим.)

Фразеологизм «никуда не годится» при стандартном переводе как «бесполезно, не годится» (没有用，不行) приобрел бы книжный оттенок, не соответствующий прямолинейному и непосредственному характеру персонажа. Перевод с использованием разговорной конструкции «怎么也不中用啦» (совсем никуда не годится / толку не будет) сохраняет разговорную стилистику оригинала, создавая эффект естественности и приближая персонажа к читателю. Дополнительным средством воссоздания разговорного стиля является использование в переводе модальных частиц, таких как «啦», «呀», «呢», «啊», усиливающих коллоквиальные характеристики речи.

В художественном переводе диалоги персонажей требуют особого внимания, поскольку выполняют функцию речевой характеристики героев и создания эффекта естественной коммуникации. При переводе диалогической речи необходимо передавать не только семантическое содержание высказываний, но и их стилистическую окраску, соответствующую индивидуальным особенностям персонажей.

Рассмотрим диалог: «Я хотел было спросить, куда он идет с ребенком, какая нужда его гонит в такую распутицу, но он опередил меня вопросом:

– Ты что же, всю войну за баранкой?

– Почти всю.

– На фронте?

– Да.

– Ну, и мне там пришлось, браток, хлебнуть горюшка по ноздри и выше» [11].

我正想问，他带着孩子上哪儿去，有什么事逼他在这种泥泞的日子赶路，但他抢在我的前面问："你怎么，战争时期一直在开车吗？"

"差不多一直在开。"

"在前线吗？"

"是的。"

"咳，老兄，我在那边可吃够苦头啦。"

Перевод обращения «браток» как «老兄» (старина) более точно передает разговорную стилистику оригинала, чем нейтральное «兄弟» (брат). Фразеологизм «хлебнуть горюшка по ноздри и выше» передается идиоматической конструкцией «吃够苦头啦» (натерпеться вдоволь), сохраняя экспрессивность и просторечную окраску исходного выражения.

В диалоге «– Что же это у тебя, старик, рука такая холодная? На дворе теплынь, а ты замерзаешь?» [11] китайский перевод «你这个老头儿，手怎么这样冷啊？天气这么暖和，可你却冻坏了?» использует разговорную конструкцию «你这个老头儿», которая передает непринужденность общения и близкие отношения между собеседниками.

Более сложный случай представляет диалог с элементами конфликтной коммуникации: «Скриплю зубами и говорю ему: «Ты, видно, ветеринар, а не людской доктор. Что же ты по больному месту давишь так, бессердечный ты человек?» А он все щупает и злобно так отвечает: «Твое дело помалкивать! Тоже мне, разговорчики затеял. Держись, сейчас еще больнее будет». Да с тем как дернет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались» [11].

我把牙齿咬得咯吱咯吱响，对他说：'你准是个兽医，不是给人看病的医生。你这没心肝的，干什么在人家痛的地方按得那么重啊？'他却依旧摸着，还恶狠狠地回答说：'你给我闭嘴！也想来跟我啰嗦。等着吧，还要痛得更厉害些呢。'说着就那么重重地拉动我的胳膊，痛得我眼睛里直冒火星。

Переводческие решения «你准是个兽医» (ты, верно, ветеринар), «你这没心肝的» (бессердечный ты), «你给我闭嘴» (заткнись) сохраняют грубоватую, просторечную манеру персонажей, создавая эффект речевой достоверности.

Наряду с лексико-стилистическими трансформациями в переводе диалогов активно применяются приемы смыслового развития, позволяющие адаптировать семантическую структуру высказывания к нормам принимающего языка. Смысловое развитие представляет собой переводческую трансформацию, при которой происходит логическое переосмысление содержания оригинала с сохранением его коммуникативной функции.

В примере «Первое время он со мной на машине в рейсы ездил, потом понял я, что так не годится. Одному мне что надо? Краюшку хлеба и луковицу с солью, вот и сыт солдат на целый день. А с ним – дело другое: то молока ему надо добыть, то яичко сварить, опять же без горячего ему никак нельзя. Но дело-то не ждет. Собрался с духом, оставил его на попечение хозяйки, так он до вечера слезы точил» [11] переводческое решение демонстрирует изменение субъектно-объектных отношений:

开头他跟我一起坐在车子上跑来跑去，后来我明白了，那样是不行的。我一个人需要些什么呢？一块面包，一个葱头，一撮盐，就够我这样的士兵饱一整天了。可是跟他一起，事情就不同：一会儿得给他弄些牛奶，一会儿得给他烧个鸡蛋，又不能不给他弄个热菜。但工作可不能耽搁。我硬着心肠，把他留在家里，托女主人照顾。结果他竟一直哭到黄昏。

Фраза «опять же без горячего ему никак нельзя» трансформируется в «又不能不给他弄个热菜» (нельзя не давать ему горячей еды), что смещает акцент с констатации потребности ребенка на заботу взрослого. Выражение «собрался с духом» передается как «硬着心肠» (скрепя сердце), конкретизируя эмоциональное состояние персонажа.

Аналогичный прием применяется в переводе фразы «Разговариваю обо всем и с Ириной, и с детишками, но только хочу проволоку руками раздвинуть, – они уходят от меня, будто тают на глазах» [11]: 我跟伊琳娜、跟孩子们天南地北谈得挺起劲，可是刚想拉开铁丝网，他们就离开我，就在眼前消失。

Нейтральное «разговариваю обо всем» заменяется экспрессивной конструкцией «天南地北谈得挺起劲» (оживленно болтать обо всем на свете), что усиливает эмоциональную насыщенность высказывания.

Выполненное исследование демонстрирует продуктивность комплексного подхода к анализу переводческих трансформаций в художественном тексте. Методология сопоставительного анализа оригинала и перевода на четырех структурных уровнях позволила выявить закономерности межъязыковой адаптации, обусловленные как типологическими различиями русского и китайского языков, так и спецификой национальных литературных традиций.

Исследование подтверждает тезис о необходимости функционального подхода к художественному переводу, при котором приоритетным становится воссоздание эстетического воздействия произведения, а не формальное

воспроизведение языковых структур оригинала. Установлено, что эффективность переводческих решений определяется степенью интеграции лингвистических трансформаций с культурно-специфическими особенностями принимающего языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдрахманова Р. Дж. Художественный перевод (лингвистические аспекты): учебное пособие для студентов старших курсов переводческих отделений / Р. Дж. Абдрахманова. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2014. – 86 с.
2. Алимова М. В. Особенности и основные критерии перевода художественного текста / М. В. Алимова // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 2. – С. 47–53.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
4. Гимадеева Э. Н. Отражение культурных ценностей в китайских рекламных текстах / Э. Н. Гимадеева, А. Д. Гилязева // Филологический аспект. – 2024. – № 10 (114). – С. 110-115.
5. Лю Ядин «Судьба человека» – предисловие к рассказу М.А. Шолохова / Ядин Лю // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. – №8. – 2020. – pp. 9-25.
6. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: ЧеРо, 1999. – 136 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. Лейдерман Н. Л. «Монументальный рассказ» М. Шолохова / Н. Л. Лейдерман // Русская литературная классика XX века / Н. Л. Лейдерман. – Екатеринбург, 1996. – С. 217-245.
9. Линь Мэй. Риторическая ситуация как эффективный аспект изучения переводческой деятельности / Линь Мэй // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 42.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер; отв. ред. В. Н. Ярцева; Институт языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
11. Шолохов М. А. Судьба человека / М. А. Шолохов // Собрание сочинений: в 8 т. / М. А. Шолохов. – М.: Правда, 1980. – Т. 7. – С. 31–75.
12. 蔡毅. 俄译汉教程 / 蔡毅. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. – 617 с. (Цай И. Курс перевода с русского на китайский / Цай И. – Пекин: Изд-во преподавания и исследований иностранных языков, 2006. – 617 с.)
13. 从亚平. 实用俄汉汉俄翻译教程 / 从亚平. – 北京: 外语教学与研究出版社, 2010. – 195 с. (Цун Япин. Практическое пособие по переводу / Цун Япин. – Пекин: Изд-во преподавания и исследований иностранных языков, 2010. – 195 с.)
14. 从亚平. 俄汉翻译教程 / 从亚平. – 上海: 上海外语教育出版社, 2012. – 305 с. (Цун Япин. Пособие по переводу с русского языка на китайский / Цун Япин. – Шанхай: Шанхайское изд-во образования иностранных языков, 2012. – 305 с.)
15. 肖洛霍夫. 一个人的遭遇 / 肖洛霍夫; 曹缨译. – 北京: 人民文学出版社, 2020. – 512 с. (Шолохов, М. А. Судьба человека / М. А. Шолохов; пер. Цао Ин. – Пекин: Изд-во народной литературы, 2020. – 512 с.)
16. 张建华, 任光宣. 俄罗斯文学名著选读 / 张建华, 任光宣. – 北京: 北京大学出版社, 2005. – 702 с. (Чжан Цзяньхуа. Чтения по русской классической литературе / Чжан Цзяньхуа, Жэнь Гуансюань. – Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2005. – 702 с.)

УДК 81

ЯЗЫК ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКО-ЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Малова Елена Владимировна
Старший преподаватель кафедры Европейских языков,
Дипломатической академии МИД России.
г. Москва, Россия
SPIN-код: 8402-9707

В статье исследуются особенности языка общественно-политической коммуникации, его характерные признаки и сферы его деятельности, а также роль средств массовой информации в его формировании. Автор анализирует также язык дипломатии и его роль в успешном ведении переговоров и разрешении международных кризисов. Рассматривается роль языка в ежедневной работе дипломата и анализируются стили различных дипломатических документов.

Ключевые слова: политическая коммуникация, лингвистические средства, средства массовой информации, уровни коммуникации, дипломатический язык, сферы дипломатического общения, коммюнике

THE LANGUAGE OF SOCIO-POLITICAL COMMUNICATION USING THE EXAMPLE OF GERMAN-LANGUAGE MEDIA SOURCES

Malova Elena Vladimirovna
Senior Lecturer at the Department of European Languages,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow, Russia
SPIN-код: 8402-9707

The article examines the features of the language of socio-political communication, its characteristic features and areas of its activity, as well as the role of mass media in its formation. The author also analyzes the language of diplomacy and its role in successful negotiation and resolution of international crises. The role of language in the daily work of a diplomat is considered and the styles of various diplomatic documents are analyzed.

Keywords: political communication, linguistic means, mass media, communication levels, diplomatic language, spheres of diplomatic communication, communique

*****

Язык – это не просто один из инструментов политики, но, в первую очередь, условие ее существования. Язык в политике означает, прежде всего, лингвистическое действие, которое способно убеждать.

Одной из фундаментальных целей политической коммуникации является обнародование политики, легитимизация политических действий и достижение согласия.

Политическая коммуникация включает в себя использование языка политическими функционерами (политический язык), использование языка в средствах массовой информации (язык политических СМИ), а также речи отдельных граждан и групп, таких как группы по интересам или неправительственные организации, по политически значимым вопросам.

Таким образом, использование языка в политике является целенаправленной, деятельностью, которая выполняет определенные функции. Наиболее важной функцией лингвистического действия в политике является убеждение, т.е. влияние на мнения и взгляды адресатов с помощью лингвистических средств.

Важным инструментом убеждения является целенаправленное использование слов для концептуализации и оценки социальной реальности с точки зрения, основанной на определенных и часто партийных интересах. Язык имеет функцию построения реальности и определяет восприятие социальной реальности.

Например, политические деятели могут говорить об изменении климата (Klimawandel), климатическом кризисе (Klimakrise) или чрезвычайной климатической ситуации (Klimanotstand), что может иметь решающее значение для классификации и оценки фактов. В то время как изменение климата является довольно нейтральным понятием для обозначения естественного процесса, то климатический кризис и чрезвычайная климатическая ситуация связаны с острыми угрозами, которые побуждают к действиям.

Хотя язык политики и играет существенную роль, но в то же время не является собственно политикой. Общественно-политическая коммуникация во многом связана с привлечением внимания и меньше с фактическими решениями. Она окружает и дополняет политику, организует и стимулирует готовность реципиента согласиться на определенную политику. В этом контексте следует различать между политикой презентации и политикой принятия решений. Политика презентации – это политика, ориентированная на общественность, которая в основном реализуется средствами массовой информации. Это контрастирует с политикой принятия решений, которая обычно не является публичной и включает в себя определенные процедуры, такие как законодательная процедура.

Но и в политике принятия решений язык также играет важную роль, поскольку решения должны быть сначала подготовлены и согласованы на лингвистическом уровне.

Характерные признаки политической коммуникации

Политическая коммуникация характеризуется специфическими чертами, которые отличают ее от других областей коммуникации. К ним относятся:

а) публичность и отражение в средствах массовой информации

б) ориентация на интересы определенных групп и представительность

в) институциональные связи

г) процессуальность и приверженность к определенному дискурсу.

а) Публичность и отражение в средствах массовой информации

Политическая коммуникация происходит публично и в основном распространяется через средства массовой информации, телевидение, прессу, радио и интернет. Публичность как основной принцип и предпосылка для либеральной демократии оказывает прямое влияние на политическую коммуникацию, конкретные проявления которой, по сути, определяются сегодня средствами массовой информации. Влияние средств массовой информации на политические процессы часто критически описывается ключевыми словами Politainment или Mediokratie.

Политика как развлечение и доминирование средств массовой информации в определении политики и, следовательно, влияние на то, как граждане воспринимают политику. В более полном смысле можно также говорить о медиатизации политики. Сосредоточение внимания на массовой аудитории означает, что политическая коммуникация часто адресована нескольким группам людей одновременно, и поэтому является многофункциональной. Так, например, избирательные программы направлены на свою собственную партийную аудиторию, для которой они служат источником ориентации и формулировок, а также на более широкий электорат, который хочет узнать о целях партии, и на представителей СМИ. С недавних пор, ведущие медийные источники (tagesschau.de, ard, ndr) предоставляют для различных групп населения новостной контент в форме в так называемой «легкой речи» (leichte Sprache), что значительно расширяет целевую

аудиторию. Сообщения на простом или легком языке должны, например, облегчать людям с ограниченными возможностями понимание текстов. В Германии проживает более семи миллионов функциональных неграмотных, которые могут читать тексты, но не могут понять связи сложного текста.

Публичность и приемы средств массовой информации приводят к тому, что политические языковые действия в определенной степени являются инсценировкой. Например, участники политического ток-шоу общаются с двумя группами людей или адресатами. Во-первых, они общаются напрямую с другими гостями или/и ведущим, во-вторых, они также общаются косвенно с телезрителями. Таким образом, создаются два уровня коммуникации, которые ясно демонстрируют постановочный характер политического языка. То, что на первом уровне представляется обсуждением (ток- шоу в студии), на втором уровне является уже попыткой убедить общественность (телезрителей). Вышеназванные факторы-публичность и средства массовой информации несут ответственность за усиление лингвистических требований к политическим субъектам. Их публичные выступления подлежат постоянному наблюдению и контролю. Их речь должна быть лаконична, точна и понятна публике.

Часто возникает впечатление, что они всегда используют одни и те же фразы и словесные оболочки, которые соответствуют требованиям СМИ. Таким образом, медиа-опыт и риторические навыки являются одними из основных компетенций политических деятелей.

б) Ориентация на интересы определенных групп и представительность

Политическая коммуникация характеризуется конкуренцией и конфронтацией мнений. Политические деятели вступают в конкуренцию с политическим оппонентом, при этом они обычно выступают в качестве представителей определенных групп, партий, ассоциаций и т. д. Грубо говоря, в зависимости от точки зрения, можно различать положительно оцененную собственную группу и чужую группу с отрицательной оценкой. Все, что связано с собственной группой, оценивается как позитивное, все, что отклоняется от позиции собственной группы, оценивается как негативное. «Принадлежность к определенной группе влияет на лингвистическое поведение. В то же время, однако, политики должны преследовать стратегические максимы (девальвировать оппонента, позитивно представить свою собственную позицию, «нажить себе» как можно меньше противников в соответствующих группах).» [5]. Коммуникационные этические и стратегические максимы могут вступить в конфликт, если политики намеренно выражаются расплывчато по тактическим причинам, например в период предвыборной компании, чтобы сохранить варианты для формирования коалиции осле выборов. На примере последних выборов в Германии эта тенденция четко прослеживалась в речах претендентов на пост федерального канцлера. Результаты выборов не позволяли однозначно определить контуры будущей правительственной коалиции.

Например, обещание избирателям в форме (стратегического) предвыборного обещания оказывается столь же проблематичным. Избиратели прекрасно знают, что на самом деле это вообще не может быть реализовано. Если политик обещает снижение налогов до выборов, он или она может представить после выборов иную позицию, доказывая, что изменившиеся экономические условия больше не предполагают снижение налогов. «Принадлежность к определенной группе также является основой противоположных дискурсивных стратегий политических языковых действий. С социологической точки зрения типичные конфликты можно наблюдать в нынешнем политическом дискурсе Федеративной Республики Германии, каждый из которых характеризуется специфическими формами неравенства и группами, представляющими свои интересы.» [2]

Неравенство между высшими и низшими слоями населения (классы и слои/бедные и богатые), расслоение, которое является продуктом социальной, распределительной и налоговой политики.

Неравенство в контексте «Мы- Вы» (традиционное население/ аутсайдеры), которое является предметом политики равенства и признания.

Разница между «сегодня и завтра» (виновники и пострадавшие)- является предметом экологической и климатической политики.

в) Институциональные связи

Институциональные связи являются важным признаком политической коммуникации. Средства массовой информации установили определенные правила, которые можно проследить на примере политических ток-шоу.

Существуют определенные нормы в отношении права на выступление, продолжительности речи, выбора темы и допустимости/недопустимости определенных речевых актов. Например, оскорбление рассматривается как недопустимость и может быть соответствующим образом санкционировано.

Такие правила, естественно, влияют на речь политических деятелей, которые должны в своих выступлениях также придерживаться ограниченных временных рамок.

г) Процессуальность и приверженность к определенному дискурсу.

Под этим понимается тот факт, что политическая коммуникация всегда встроена в всеобъемлющие контексты (например, такие как избирательные кампании).

Общественно-политическая коммуникация всегда происходит в рамках конкретных дискурсов, таких как, например, дискурс о миграции, дискурс об изменении климата или дискурс о поставках оружия на Украину. (наиболее частотные темы в сегодняшней повестке немецкоязычных средств массовой информации).

Сферы действий политической коммуникации

Использование политического языка происходит в определенных рамочных условиях, которые называются сферами действий. Области действий в значительной степени закреплены в Основном законе Федеративной Республики Германии. Главными сферами действий в области коммуникационной политики являются:

- формирование общественно- политического мнения
- политическая реклама
- внутрипартийное формирование общественного мнения
- законодательная процедура/формирование мнений и стратегий в государственных институтах.
- формирование общественно- политического мнения

В области формирования общественного политического мнения политические решения публично узаконены и подлежат обсуждению. Средства массовой информации влияют на определение типов текстов и форматов взаимодействия, имеющих отношение к политической коммуникации. Текстовые типы этой области действия – это, например, комментарии для прессы, радио/телевизионные новости и заявление правительства, типичными форматами взаимодействия являются интервью, политическое ток-шоу и пресс-конференция. Область действия формирования общественно-политического мнения заключается в информировании общественности, а также в необходимости узаконить и прокомментировать решения.

b) Политическая реклама

В области политической рекламы партии, ассоциации и организации активно продвигают свои цели и мобилизуют своих сторонников. Здесь мы найдем такие типы текста, как речь для предвыборной кампании, предвыборная программа, предвыборный лозунг или листовка.

c) Внутрипартийное формирование общественного мнения

Здесь определяются основные ценности и идеологические руководящие принципы партий, а также готовятся и осуществляются партийные политические решения.

В этой области действий используются определенные типы текстов, такие как избирательная программа, партийная программа, резолюция партийного съезда и

речь на партийном конгрессе, а также форматы взаимодействия, такие как партийный конгресс и парламентские групповые дебаты.

Законодательная процедура/формирование мнений и стратегий в государственных институтах.

Область действий законодательных процедур характеризуется общением внутри трех ветвей государственных органов власти и между учреждениями и общественностью. В таких типах текстов, как закон, указ или программа немедленных действий регулируются отношения между правительством и гражданами.

Язык дипломатии.

Дипломатический язык относится к конкретному стилю и типу общения в международной дипломатии и переговорах. Он характеризуется вежливостью, формальностью и тщательным выбором слов, чтобы донести сообщения, не вызывая обиды. Этот язык направлен на развитие позитивных отношений между странами, содействие конструктивному диалогу и минимизации недоразумений.

Дипломатический язык часто содержит эвфемизмы и косвенные выражения для смягчения возможных резких заявлений или требований.

Он подчеркивает важность культурных различий, поскольку язык может интерпретироваться по-разному в разных культурах.

В переговорах с значительным конфликтным потенциалом использование дипломатического языка имеет решающее значение.

Неправильное использование дипломатической лексики может легко привести к недоразумениям, которые могут иметь непредвиденные последствия.

Дипломатическая языковая подготовка является неотъемлемой частью подготовки дипломатов для обеспечения эффективного общения в различных условиях.

Дипломатический язык улучшает стратегии ведения переговоров, гарантируя, что общение остается уважительным и конструктивным даже по чувствительным темам. Благодаря тщательно подобранным словам и вежливому тону переговорщики могут снизить напряженность и создать более кооперативную атмосферу. Этот подход помогает укрепить доверие между сторонами, что имеет важное значение для достижения взаимовыгодных соглашений.

Культурная чувствительность играет решающую роль в дипломатическом языке, поскольку она помогает дипломатам овладеть сложностью общения в различных культурных контекстах. Понимание местных обычаев, фраз и ценностей помогает дипломатам избежать недоразумений и оскорблений. Адаптируя свой язык к культурным ожиданиям, дипломаты могут проявить уважение и построить более тесные отношения со своими собеседниками. Злоупотребление дипломатическим языком может иметь серьезные последствия для международных отношений и потенциально привести к эскалации напряженности или конфликтов. Если высказывания воспринимаются как неуважительные или агрессивные из-за неправильного выбора слов, это может подорвать доверие и сотрудничество между странами. Такие недоразумения могут привести к провалу переговоров или даже спровоцировать возмездие.

Язык дипломатии часто называют высоким искусством формулировок. Его иногда называют шаблонным, пространным и неоднозначным. Политолог Херфрид Мюнклер считает, что это и хорошо: «Так как именно поэтому язык, на котором государства общаются друг с другом, подходит для разрешения кризисов.» [5]

«Федеральное Министерство иностранных дел имеет честь!» – Любой, к кому обращаются таким образом, чувствует, что теперь он должен переключиться со своего повседневного языка на особый язык.

«У нас был плодотворный обмен мнениями» на языке дипломатии означает, что у партнеров по переговорам были значительные разногласия. И когда заявляется, что сторона готова «взять на себя ответственность», под этим подразумевается, что на эту сторону ложится значительное бремя.

Искусство дипломатического языка особенно очевидно в мирных переговорах. По крайней мере, там, где речь идет не о диктате победителя: обе стороны могли бы продолжить войну, но – по каким-либо причинам – доверили дипломатам задачу выяснить, как могут выглядеть условия надежного мира.

Согласование противоположностей и претензий

Это требует искусства формулировок, которое согласовывает противоположные положения и претензии таким образом, чтобы они не казались несовместимыми с самого начала. С другой стороны, фактические различия в интересах также не должны «заметаться под ковер», а напротив, озвучиваться, чтобы найти надежные компромиссы. Трудности, стоящие перед переговорщиками-дипломатами можно представить себе виде двух скал в море, которые им предстоит обогнуть: срыв переговоров по причине непримиримых позиций и достижение непрочного недолговечного мира, так как стороны не прояснили до конца все противоречия.

Еще один образ: то, что для солдата на поле сражения за интересы своей страны является оружием, то для дипломата – это особый язык, которому присуще нечто загадочное, которое нелегко расшифровать и интерпретировать.

Конфиденциальность на нескольких уровнях

Этот принцип применяется для того, чтобы общественность обеих сторон не могла вмешиваться и высказывать свое мнение на каждом этапе переговоров. Переговоры закрыты не только дверьми от общественности, но и на уровне языка. Только так можно достигнуть компрессных решений. Кстати, это зарекомендовало себя не только в мирных переговорах, но и в отношениях союзников друг с другом, когда речь идет о том, чтобы сделать по-разному воспринимаемые проблемы совместимыми друг с другом, чтобы была возможна совместная реакция. Язык дипломатии развивался параллельно с формированием современных территориальных государств.

Независимо от их размера и численности населения, они считаются в принципе равноправными и выражают свое взаимное уважение в дипломатических отношениях друг с другом.

Имперские порядки функционируют по-другому.

Это не относится к имперским приказам, при помощи которых главенствующая держава повелевает зависимыми от нее государствами, являясь для них неким защитником и поэтому позволяет себе обходиться с ними соответствующим образом.

Самым ярким примером является политика американской администрации Трампа (да, впрочем, и Байдена в период его правления) к своим европейским союзникам и партнерам по НАТО. Риторика, менторский тон, угрозы и даже грубые выражения – вот чем не гнушается американская сторона. Даже лояльная к своим американским хозяевам (часто находящаяся на их содержани) немецкая пресса вынуждено признает такое положение дел. Цитата: „Hier tritt der Botschafter der imperialen Macht weniger als Diplomat denn als Statthalter auf. Man denke an einige US-Botschafter in Deutschland, wenn sie die Washingtoner Erwartungen in die deutsche Öffentlichkeit hinein kommuniziert haben.“ [6, c.1] «Здесь посол имперской державы выглядит не столько дипломатом, сколько губернатором – просто вспомните некоторых послов США в Германии, когда они сообщали немецкой общественности об ожиданиях Вашингтона.» (перевод наш). Пример из реакции Германии на недавнее выступление американского вице- президента на Мюнхенской конференции по безопасности: “Nach der umstrittenen Rede von US-Vizepräsident Vance hat Bundeskanzler Scholz ihm Einmischung in den Wahlkampf in Deutschland vorgeworfen.“ [7].» После спорной речи вице-президента США Вэнса канцлер Шольц обвинил его во вмешательстве в избирательную кампанию в Германии». (перевод наш).

Роль языка в ежедневной работе дипломата

Наряду с поэтами, писателями и журналистами, политик, дипломат – один из тех представителей общественной жизни, чья профессия по-особенному связана с

языком. Потому что в его работе важную роль играет не только тщательно подобранное слово, но и нюанс выражения. Формулировка, интерпретация и оценка текстов – это его насущный хлеб.

В Организации Объединенных Наций идет борьба за признание определенных языков в качестве официальных или рабочих языков ООН. Отсюда следует понимание практической и политической важности языкового вопроса в дипломатических отношениях.

Конечно, преимущество имеет тот оратор, который может использовать свой родной язык в дебатах или переговорах и его понимают без перевода, и он не зависит от того, могут ли переводчики следовать ходу его мыслей и передавать все нюансы его словарного запаса. Если сам дипломат или министр свободно говорит на иностранном языке и участвовал в составлении коммюнике на этом языке в конце конференции, то он часто отмечает, что некоторые слова, которые казались элегантными и уместными на иностранном языке, не имеют эквивалента в их родном языке, и поэтому звучат неловко и деревянно в переводе. Если он слишком долго думает над формулировками, то в это время редакторы отечественных газет уже делают свои собственные переводы, которые слишком часто бывают неправильными! Или написаны в плохом стиле и, таким образом, могут исказить смысл и испортить эффект коммюнике. К счастью, есть переводчики, чье сотрудничество высоко ценится дипломатами, потому что они опускают или смягчают в переводе бестактность, ошибки, неосторожность политика, который не имеет опыта выступлений образом, огрехи исчезают из речи и не причиняют никакого вреда. Участие переводчиков чрезвычайно полезно, особенно во время встреч «на высшем уровне» или «тет а тет», которых обычно боятся профессиональные дипломаты: их записи, «протоколы переводчика», как правило, являются единственным надежным источником хода и результатов таких переговоров – и, таким образом, также единственной основой для реализации того, что было согласовано.

Оправдано ли называть стиль, который, характеризуется прежде всего вежливой формой, сдержанными выражениями и своеобразно зашифрованным намеком на собственные намерения и реакции, «дипломатическим языком» – или это скорее язык политики в целом? Конечно, не только профессиональные дипломаты используют этот язык, но и государственные деятели и политики, когда их деятельность касается дипломатической сферы, но часто также и за пределами собственно дипломатии. Например, во внутренних политических делах, таких как переговоры о формировании правительственной коалиции, в тарифных раундах между партнерами по коллективным договорам, в заявлении правительства или парламентских дебатах. К сожалению, приходится признать снижение языковой культуры даже в межгосударственном общении, допущение «непарламентских» и крайне грубых выражений не только со стороны недружественного Евросоюза в отношении России, но и американской администрации по отношению к их союзникам и партнерам. Цитату американского президента приводит немецкая пресса: "Trump: Harte Zeiten erfordern harte Redner." («Жесткие времена требуют жестких ораторов») (перевод наш).

Однако, как правило, ни один политик не рассчитывает произвести впечатление на своих избирателей, своих парламентских коллег или своих внутренних политических оппонентов искусственным, холодным стилем дипломатической речи. Язык общей политики должен быть более прямым, более красочным, более пластичным, более подробным, чем дипломатический, который стремится избежать любого лишнего слова. Отметим явное различие в стилистике между внутриполитическими и внешнеполитическими переговорами или дебатами.

Однако и в дипломатии осознание этого факта пришло не сразу. Лорд Стрэнг напомнил в своей статье о дипломатии 19 века, что в 19 веке американская дипломатия, в частности, имела негативную репутацию: „piain speaking marked by a characteristic harshness of tone“ «речи, отмеченной характерной жесткостью тона». (перевод наш).[8, с. 6]

Каков же смысл существования и цели дипломатического языка? Каковы преимущества его использования? Классический ответ на эти вопросы дал еще Макиавелли: Schmähungen und schimpfliche Vorwürfe erzeugen Haß gegen ihren Urheber, ohne ihm irgendwie zu nützen. (Оскорбления и оскорбительные обвинения порождают ненависть к их автору, не принося ему никакой пользы.) (перевод с немецкого наш) И далее: „Ich halte es für einen der größten Beweise menschlicher Klugheit, sich der Drohungen und Beleidigungen durch Worte zu enthalten. Beides entzieht dem Feind keine Krä!e, aber Drohungen machen ihn vorsichtiger, Beleidigungen erzeugen in ihm größeren Haß gegen dich und reizen ihn an, mit größerer Anstrengung auf dein Verderben zu sinnen.„ (Я считаю одним из величайших доказательств человеческой благоразумности воздерживаться от угроз и оскорблений словами. Они не лишают врага сил, но угрозы делают его более осторожным, оскорбления возбуждают в нем большую ненависть к вам и побуждают его усиленно планировать нанесение тебе вреда.) (перевод с немецкого наш). [8, с. 6]

Итак, особенно характерная сторона дипломатического языка – воздержание от угроз и оскорблений.

Рассмотрим несколько примеров дипломатических заявлений, содержащих сдержанную угрозу: «Наше правительство не может смотреть равнодушно на этот международный конфликт» – это означает, что данное правительство предпримет некие шаги, вмешается в конфликт. Если представитель иностранного правительства использует в своем общении или речи такие предложения, как «Наше правительство видит с беспокойством» или «видит с большим беспокойством», то всем ясно, что это правительство займет твердую позицию в этом вопросе. Благодаря таким осторожным градациям, как эта, государственный деятель может послать иностранному правительству серьезное предупреждение, не используя угрожающий язык. Если эти предупреждения останутся неуслышанными, он может повысить голос и при этом оставаться вежливым и компромиссным. Когда говорят: «В таком случае мое правительство будет вынуждено тщательно рассмотреть это положение», имеется в виду, что дружба близка к тому, чтобы превратиться во вражду. «В этом случае мы оставляем за собой право…» – означает: «Наше правительство этого не допустит.» Выражение «в этом случае мое правительство вынуждено подумать о защите своих собственных интересов» или «оставляет за собой право на свободу действий» указывает на то, что рассматривается разрыв отношений. Когда говорится: «Мы не несем ответственности за возникшие последствия», это означает, что может быть спровоцирован инцидент, который приведет к войне. Речь идет не только о воздержании от словесной эскалации, но, прежде всего, также о возможности отступления, но в любом случае о дальнейшей свободе принятия решений.

Если одна сторона объявляет о пересмотре прежней позиции или о серьезных последствиях, то, по крайней мере, остается открытым вопрос о том, как далеко она готова идти. Одновременно это позволяет противной стороне отступить без потери лица. Гибкость и свобода маневра являются неотъемлемой чертой философии дипломатического языка. Вот почему в дипломатическом контексте не одобряется слово «никогда». Поэтому слово «неприемлемый» может возникнуть в ходе переговоров только тогда, когда кто-то действительно полон решимости пойти на разрыв отношений и не видит выхода.

Аналогичным образом, другой мотив оказывает умиротворяющее и сглаживающее влияние на дипломатический стиль языка: желание не дать противнику поводов для нападения. Если хотят критиковать, то предпочитают вкладывать эту критику в уста других, например оппозиции в собственной стране, которую нельзя полностью игнорировать, или прессы, которой нельзя руководить, или ссылаются на общественное мнение в целом. Каждое собственное замечание делается, насколько это возможно, с оговорками и подстраховками, так что даже частичное опровержение становится трудно достижимым. Никогда не следует говорить, что определенные действия правительства противоположной стороны неслыханны и подобное никогда не имело места в международной практике.

Вместо этого говорят, что такие действия необычны или что трудно найти подобные прецеденты.

В этом отношении дипломатический язык является не только умеренным, но, прежде всего, и «защищенным» языком; он стремится, насколько это возможно, оставаться под прикрытием неопровержимого или избегает привлечения к ответственности. Конечно, все вышесказанное касается языка классической дипломатии. Этот язык сконцентрирован на основной функции языка: на информации. Его задачей является экономная передача информации. Информационная теория называет все лишнее «избыточностью». Однако, естественный язык полон избыточности, потому что отсутствие избытка в естественном языке – это бедность. Для сравнения, хотя дипломатический язык экономит на местоимениях, временных и прочих наречиях и т. п., но избегает смысловой избыточности. То, что здесь было сказано о избежании «избыточности», не является абсолютным правилом: дипломатические коммюнике имеют определенную избыточность. Однако, у дипломатического языка есть и другие не менее важные функции: он запускает, образно говоря, некий пробный воздушный шар или некое щупальце, так называемое серьезное, но необязательное предложение или зондаж, с помощью которого одна сторона прощупывает готовность другой стороны пойти на некие договоренности, не рискуя получить отказ или вообще выставить себя в глупом свете.

Другая функция дипломатического языка заключается в том, что он способен выражать определенные суровые политические властные реалии таким образом, чтобы пощадить самоуважение и чувство достоинства менее влиятельных политических игроков. Редко можно встретить в дипломатических документах признание за одной державой большего влияния на принятие решений только потому, что она крупнее и мощнее другой. И все же на деле это происходит довольно часто. Как писал великий Гете: «Теория суха, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет.» Современные политические реалии все чаще опровергают эти дипломатические каноны.

Неискушенный дилетант, который отмечает изящные формулировки дипломатического языка, и в тоже время понимает, что этот язык упрощает или приукрашивает факты, и поэтому часто воспринимает дипломатический стиль, как нечто основанное на систематической лжи и лицемерии. Но это не означает, что ложь является стилистическим приемом дипломатического языка. Только плохая дипломатия использует ложь.

Но также примером плохой дипломатии может оказаться признание правды, которую лучше бы было замолчать. Вильгельм Греве посчитал «классическим примером заявление, которым президент Эйзенхауэр официально признал в апреле 1960 года, что пилот U-2 Пауэрс пролетел над Советским Союзом со шпионскими целями, за что сам президент взял на себя ответственность. Больше, чем факт самого полета U-2, это заявление привело к ухудшению советско-американских отношений и международного климата в то время. Никому не пошло на пользу это неожиданное и необычное признание истины. Если бы Эйзенхауэр придерживался правил дипломатического языка, было бы легче преодолеть кризис, вызванный этим инцидентом.» (перевод с немецкого наш). [8, с.8]

Наконец, несколько слов о стилях дипломатического языка, которые можно назвать их диалектами: например, язык политических договоров и коммюнике. Оба отличаются от языка дипломатической ноты, заявления, интервью или других дипломатических документов. Отличие состоит в том, что договоры и коммюнике формулирует не одна сторона, но эти тексты согласовывают две и более стороны. Кроме того, текст договора имеет оговоренный срок действия, и таким образом некую определенность. Хотя коммюнике является также согласованным документом, оно отражает ситуацию только на данный момент, и в этом смысле существенно отличается от договора.

Классический текст договора однозначен, сконцентрирован, имеет систематизированную структуру и ограничивается фиксацией необходимого.

Отклонения от этих правил возможно только по политическим мотивам и соображениям. Стороны стремятся скрыть существующие разногласия и избегают ненужных подробностей дискуссий. Неопределенность и двусмысленность в языке договора связана с рисками, которые надо хорошо обдумать при выборе формулировок. В общем и целом, ущерб всегда потерпит более слабая сторона, так как необходимо учитывать тот факт, что не существует непредвзятого суда. Из этого следует, что более сильный партнер добьется наиболее выгодного для себя толкования при наличии неоднозначных определений.

Часто более слабый партнер осознает проблемный характер неоднозначных формулировок, но все же соглашается с ними, потому что считает их меньшим злом по сравнению с однозначными, которые содержат решения явно не в его пользу.

В то время как язык договора использует неопределенные и неоднозначные формулировки только в качестве тщательно и расчетливо продуманного исключения, язык коммюнике демонстрируют почти прямо противоположную тенденцию: тут процветают универсальные формулировки и неоднократное повторение общеизвестных истин.

Язык коммюнике избыточен. Специфической целью коммюнике является открыть или наоборот максимально скрыть от общественности истинный ход переговоров в зависимости от потребности общественности и конфиденциальности дипломатических бесед. Исходя из вышесказанного, сформировался некий жаргон коммюнике, основанный на ограниченном числе стереотипных фраз, которые сочетаются друг с другом в зависимости от конкретной ситуации. При этом вся эта конструкция украшается минимальной информацией по предмету переговоров.

Набор фраз хорошо отработан. Если дружественные страны не достигли согласия, то коммюнике гласит: «Переговоры состоялись в дружественной и сердечной атмосфере и будут продолжены.»

Если переговоры проходили с менее дружественной стороной, с которой несмотря на не достигнутые соглашения хотят сохранят контакты, говорится следующее: «Переговоры были полезными и способствовали прояснению взаимных позиций.»

Если не удалось достигнуть соглашения по основному вопросу, то этот факт скрывают за фразой: «Сторонам удалось достичь значительного согласия.»

Чем меньше было результатов по конкретным пунктам повестки. тем больше усердствуют составители коммюнике в старании подчеркнуть договоренности по общим вопросам: здесь уместны фразы о стремлении к миру во всем мире, разоружению и разрядке напряженности или об улучшении двусторонних отношений.

Подчеркнем еще одну особенность коммюнике, связанную с тем, что эти тексты не имеют юридически обязательного статуса. Эти документы отражают текущую политическую ситуацию на день их составления. По этой причине особую роль играет специфический стиль дипломатического языка: повторение или отсутствие повторения определенных заявлений, обещаний или предостережений, высказанных ранее.

Нельзя обойти вниманием еще один дипломатический прием: философию молчания: в дипломатии молчание в контексте воздержанности от публичных заявлений, интервью, выступлений в прессе и т.п. само по себе считается добродетелью. В каждом конкретном случае дипломат, которому задан вопрос сам решает, стоит ли промолчать или высказаться. Молчание может быть многозначительным, также как и высказывание может быть абсолютно не информативным. Этот прием уместен в ситуациях, когда весь мир ждет высказывания на определенную тему.

В заключение рассмотренной темы отметим важность систематической работы со студентами и магистрами Дипломатической академии МИД России не только по стабильным пособиям, содержащим примеры дипломатических документов и переписки, но и каждодневной работы над лексемами, устойчивыми выражениями, фразеологизмами и актуальными цитатами из речей и выступлений

политиков, взятых из источников средств массовой информации как в печатной форме, так и в аудиоформате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чигашева М.А., Поленов В.М. Немецкий язык. Документы дипломатической переписки и протокольной практики. Учебное пособие: уровни B2+C1. – М.: МГИМО-Университет, 2019. – 331с.
2. Elie Abel, The Missile Crisis, 1966
3. Dieckmann W. Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen. – na, 2005.
4. Girnth H. Einstieg: Sprache und Politik. // [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.bpb.de/themen/parteien/sprache-und-politik/42678/einstieg-sprache-und-politik/ (дата обращения: 2025)
5. Grewe W.G. Die Sprache der Diplomatie. Merkur, Nr. 222. 1966
6. Klein J. Ausweichen und Ausweichen Kaschieren. Multimodale Performanz, Framing-Kniffe und Publikumsresonanz. 239-283 p.
7. Mau S., Lux Th., Westheuser L. Conflicts about social inequality and the disproved thesis of a division in German society. Westheuser, Triggerpunkte. Konsens und Konflikt in der Gegenwartsgesellschaft. Berlin, Suhrkamp, 2023. 47p.
8. Mau, Steffen/ Lux, Thomas/ Westheuser, Linus (2023): Triggerpunkte. Konsens und Konflikte in der Gegenwartsgesellschaft. Berlin: Suhrkamp
9. Münkler H. Die hohe Kunst des Formulierens. // [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/sprache-der-diplomatie-kunst-formulierung-100.html (дата обращения: 2025)
10. http://www.new.dli.ernet.in/handle/2015/14552 Harald Nicolson Diplomacy 1939 (дата обращения: 2025)
11. Language, Law, and Diplomacy: A Study of Linguistic Diversity in Official International Relations and International Law. By Alexander Ostrower. (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1965.
12. Tagesschau.de // [Электронный ресурс].- Режим доступа: https://www.tagesschau.de (дата обращения: 2025)
13. Michel, Sascha (2022): Mediatisierungslinguistik. Theorie und Fallanalysen zur Kommunikation von Politiker*innen am Beispiel von Twitter. Berlin
14. Wengeler (Hg.): Handbuch Sprache und Politik in drei Bänden. Bd. 2. Bremen, 664–686.

УДК 81'276.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАМЕТРОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Усмонова Мухайё Носировна
К.ф.н., доцент кафедры перевода и грамматики английского языка
факультета иностранных языков,
ГОУ "Худжандский государственный университет
имени академика Бободжона Гафурова"
Республика Таджикистан, г. Худжанд
ORCID: 0009-0001-9453-3830

В данной статье рассматривается влияние различных параметров ситуации общения на выбор средств речевого этикета в таджикской и англоязычной лингвокультурах. Рассматриваются ключевые параметры моделирования ситуаций общения, такие как статус участников, степень знакомства, социальная дистанция, формальность обстановки, цель общения. Выявляются сходства и различия в значимости отдельных параметров для выбора этикетных стратегий в таджикском обществе (по описанию в романе) и в англоязычной среде. Особое внимание уделяется особенностям передачи этой зависимости параметров от этикета при переводе. Результаты анализа демонстрируют культурную специфику речевого этикета, обусловленную неодинаковым значением одних и тех же параметров в разных лингвокультурах, и имеют значение для теории межкультурной коммуникации и языковой педагогики.

Ключевые слова: речевой этикет, ситуация общения, параметры общения, моделирование, таджикский язык, английский язык, сравнительный анализ, лингвокультурология, литературный перевод.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PARAMETERS FOR MODELING TAJIK AND ENGLISH SPEECH ETIQUETTE COMMUNICATION SITUATION

Usmonova Muhaiyo Nosirovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Department of Translation and English Grammar,
Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov"
Tajikistan Republic, Khujand
ORCID: 0009-0001-9453-3830

The given article dwells on how different parameters of the communication situation influence the choice of speech etiquette means in Tajik and English-speaking linguocultures. Key parameters for modeling communication situations, such as participants' status, degree of familiarity, social distance, formality of the setting, and communication goal are examined. Similarities and differences in the significance of certain parameters for selecting etiquette strategies in Tajik society (as described in the novel) and in the English-speaking environment are identified. Special attention is paid to the features of transmitting this dependence of parameters on etiquette during translation. The results of the analysis demonstrate the cultural specificity of speech etiquette, conditioned by the unequal role of the same parameters in different linguocultures, and are significant for the theory of intercultural communication and language pedagogy.

Keywords: speech etiquette, communication situation, communication parameters, modeling, Tajik language, English language, comparative analysis, linguacultural studies, literary translation.

*****

Эффективная коммуникация в любом языке немыслима без владения системой речевого этикета – совокупностью правил и средств, регулирующих языковое поведение участников общения в зависимости от конкретной ситуации [Формановская, 2015, с.38; Джураева, 2025, с.20; Усмонова, 2025, с.81; 2024, с.52]. Речевой этикет является неотъемлемой частью культуры и отражает принятые в обществе нормы взаимодействия, системы ценностей и социальную иерархию. В каждой лингвокультуре существуют свои специфические средства и стратегии выражения вежливости, уважения, просьбы, благодарности и других коммуникативных намерений.

Ситуация общения – это динамичный и многомерный контекст, в рамках которого осуществляется коммуникативный акт. Моделирование ситуации общения позволяет выделить ключевые параметры, которые определяют выбор языковых и невербальных средств. К таким параметрам традиционно относят:

– *участники коммуникации:* их социальный статус (возраст, должность, положение в обществе), роли (говорящий, слушающий), степень знакомства (близкие, знакомые, незнакомые), гендер, индивидуальные психологические особенности [Карасик, 2018, с. 120; Ашрапов, 2025; 2024; Ибрагимова, 2024].

– *обстановка коммуникации:* место (дом, работа, общественное место), время, степень официальности (формальная, неформальная, нейтральная) [Верещагин & Костомаров, 2017, с. 85].

– *цель коммуникации:* информирование, убеждение, просьба, выражение эмоций, установление контакта и т.д.

Влияние этих параметров на выбор средств речевого этикета неодинаково в разных культурах. В одних лингвокультурах решающим фактором может быть социальный статус участников, в других – степень знакомства, в-третьих – официальность обстановки. Сравнительный анализ того, как одни и те же параметры моделирования ситуации общения детерминируют выбор этикетных средств в разных языках, позволяет выявить глубокие культурные различия и универсалии.

Сравнение таджикского и английского речевого этикета представляет особый интерес, поскольку эти языки относятся к разным ветвям индоевропейской семьи и отражают исторически сложившиеся, значительно отличающиеся социокультурные системы: таджикская культура, описываемая, например, в классической литературе, характеризуется выраженной социальной иерархией и традициями уважения к старшим и вышестоящим; англоязычная культура в целом демонстрирует большую ориентацию на равенство и индивидуализм, что проявляется в более стандартизированных и менее социально дифференцированных этикетных формулах.

Роман С. Айни "Гуломон" ("Рабы") – это богатейший источник материала для изучения таджикского речевого этикета той эпохи, поскольку он детально изображает взаимодействие персонажей разного социального положения в разнообразных жизненных ситуациях. Наличие английского перевода этого произведения позволяет провести непосредственный сравнительный анализ того, как ситуации общения моделируются в тексте оригинала и как эти параметры и обусловленный ими этикет передаются средствами другой лингвокультуры.

Несмотря на значительное количество исследований речевого этикета в таджикском и английском языках по отдельности, а также работы по лингвокультурологии и переводу, комплексный сравнительный анализ влияния конкретных параметров моделирования ситуации общения на выбор этикетных средств на материале художественного текста и его перевода остается недостаточно изученным. Такой анализ поможет лучше понять механизмы культурной

детерминации коммуникативного поведения и сложности межкультурной адаптации.

Цель данной статьи – выявить и сравнить значимость и особенности влияния ключевых параметров моделирования ситуации общения на выбор средств речевого этикета в таджикском и английском языках на материале романа С. Айни "Гуломон" и его перевода.

В рамках поставленной цели определены следующие задачи:

- систематизировать основные параметры моделирования ситуации общения, релевантные для анализа речевого этикета;
- отобрать из романа "Гуломон" и его английского перевода примеры коммуникативных актов, в которых влияние параметров ситуации на выбор этикетных средств ярко выражено;
- провести детальный анализ каждого отобранного примера, моделируя ситуацию общения по выделенным параметрам и анализируя обусловленные ими вербальные и невербальные этикетные проявления в таджикском оригинале;
- провести аналогичный анализ в английском переводе, исследуя, как параметры ситуации отражаются в выборе английских этикетных средств и как осуществляется передача зависимостей, наблюдаемых в оригинале;
- осуществить глубокий сравнительный анализ значимости параметров для выбора этикетных стратегий в обеих лингвокультурах и оценить особенности их кросс-культурной передачи.

Исследование проведено на основе сравнительно-сопоставительного метода с применением элементов моделирования и контекстуального анализа. Материалом для анализа послужили отобранные фрагменты из романа С. Айни "Гуломон" [Айнӣ, 2019] и его английского перевода [Aini, 2020]. Выбор данного произведения обусловлен его исторической ценностью как источника сведений о социокультурных реалиях и коммуникативных нормах Бухарского эмирата, а также наличием авторитетного перевода.

Ограничением исследования является то, что анализируемый материал отражает нормы речевого этикета определенной эпохи и социальной среды (Бухарский эмират начала XX века). Современный таджикский речевой этикет может иметь некоторые отличия. Кроме того, анализ невербального поведения ограничен авторским описанием. Тем не менее, данный материал является репрезентативным для демонстрации ярко выраженных культурно-специфических связей между параметрами ситуации и этикетным поведением.

Анализ отобранных фрагментов романа С. Айни "Гуломон" и его английского перевода позволил выявить, как различные параметры ситуации общения влияют на выбор вербальных и невербальных средств речевого этикета в таджикской лингвокультуре того периода, и каким образом эта зависимость передается в английском языке. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих влияние ключевых параметров.

Влияние параметра "Социальный статус участников"

В обществе, описываемом С.Айни, социальный статус собеседников является одним из наиболее значимых параметров, полностью определяющим выбор этикетных формул, обращений и невербального поведения.

Пример 1: Обращение низшего к высшему (Гулом к баю):

Ман, ғуломи Шумо..." – бо зону нишаста гуфт ӯ [Айнӣ, 2019, с. 58] – I, your slave..." he said, kneeling [Aini, 2020, p. 50].

Рассмотрим коммуникативную ситуацию, характеризующуюся следующими параметрами:

– *Участники:* гулом (репрезентирующий низший социальный статус, статус раба) и Бай (репрезентирующий высший социальный статус, статус землевладельца/хозяина);

– *Степень знакомства:* высокая (отношения хозяина и раба);

– *Обстановка:* Полуформальная (непосредственное общение с хозяином в его окружении);

– *Цель коммуникации:* инициирование диалога, выражение крайней степени покорности и готовности к выполнению указаний.

В таджикском оригинале выбор средств речевого этикета обусловлен доминирующей ролью параметра социального статуса. Вербальное проявление этикета реализуется посредством формулы самоуничижения: говорящий определяет себя как «ғуломи Шумо» (ваш раб). Данная формулировка не просто констатирует социальный статус, но и функционирует как этикетный маркер крайней степени покорности и абсолютной подчиненности адресату. На невербальном уровне нормативное поведение в этой ситуации проявляется в описанной автором позе: «бо зону нишаста» (сидя на коленях). Эта поза является ярко выраженным невербальным знаком признания абсолютного превосходства собеседника и демонстрации покорности. Таким образом, в таджикской лингвокультуре описываемого периода данный комплекс вербальных и невербальных средств (самоопределение как "раб" в сочетании с позой на коленях) являлся нормативным этикетным поведением при обращении раба к своему хозяину.

В английском переводе вербальное средство «I, your slave...» представляет собой буквальную передачу таджикской формулы самоуничижения. Семантическое значение «ваш раб» сохраняется, однако прагматический эффект и культурный вес этой формулировки в контексте англоязычной культуры существенно изменяются, поскольку концепция рабства и связанные с ней специфические формы обращения не являются частью современного английского речевого этикета. Невербальное проявление, описанное как «kneeling», также передает буквальное действие – коленопреклонение. В англоязычной культуре коленопреклонение также ассоциируется с подчинением или мольбой, однако оно не является стандартной нормой повседневного общения даже с вышестоящими лицами (за исключением строго регламентированных ритуалов).

Сравнительный анализ позволяет заключить, что в таджикском оригинале параметр «социальный статус» (раб vs. хозяин) играет определяющую роль в выборе как вербальных (самоопределение через статусную лексику), так и невербальных (специфическая поза подчинения) этикетных средств. В англоязычной лингвокультуре данный статус-ориентированный комплекс не находит прямого функционального аналога в системе нормативного этикета. Несмотря на то, что перевод сохраняет лексическое значение использованных средств, культурный вес и нормативность такого поведения остаются неочевидными для носителя английского языка без дополнительного культурно-исторического комментария. Таким образом, значимость параметра «социальный статус» для детерминации выбора столь ярко выраженных и крайних форм этикетного поведения значительно выше в таджикской лингвокультуре, описываемой в произведении, по сравнению с нормами англоязычного этикета.

Пример 2: Обращение высшего к низшему (Казий к простолюдину):

Эй, мардак, иста! Чӣ кор дорӣ?" [Айнӣ, 2019, с. 120] – Hey, man, stop! What do you want?" [Aini, 2020, p. 112].

Сравнительный анализ данного примера выявляет существенные различия в значимости параметра «социальный статус» для детерминации выбора этикетных средств в таджикской и англоязычной лингвокультурах. В таджикском оригинале высокий социальный статус говорящего является доминирующим фактором, позволяющим использовать директивные и минимально маркированные вежливостью формы обращения и императива по отношению к лицу низшего статуса. Наблюдается высокая корреляция между вертикальной статусной дистанцией и степенью директивности/сниженной вежливости. В английском переводе использованные вербальные средства, хотя и передают директивность, не несут столь высокой степени статусной маркированности, как в таджикском языке.

В целом, в английском речевом этикете степень директивности и частота использования императивных форм в большей степени обусловлены такими параметрами, как степень знакомства и формальность обстановки, тогда как в

описываемой таджикской культуре определяющим может выступать сам абсолютный социальный статус участников.

Таким образом, параметр «социальный статус» оказывает более прямое и сильное влияние на выбор этикетных средств в таджикской лингвокультуре, представленной в романе, по сравнению с его ролью в детерминации выбора этикетных стратегий в англоязычной среде.

Влияние параметра "Степень знакомства" и "Социальная дистанция":

Влияние степени знакомства тесно связано с социальной дистанцией между участниками, что определяет уровень формальности или неформальности общения.

Пример 3: Приветствие между близкими людьми (сыном и отцом):

"Салом, падарҷон!" – гуфт писар ва дасти ӯро бӯсид [Айнӣ, 2019, с. 188] – "Hello, dear father!" said the son, and kissed his hand [Aini, 2020, p. 175].

В таджикской культурной практике параметры "степень близости" (высокая) и "социальная дистанция" (минимальная) детерминируют выбор специфических вербальных (использование аффикса -ҷон) и выраженных невербальных (поцелуй руки) маркеров, функционирующих как средства демонстрации аффилиации, эмоциональной привязанности и почтения к старшему по статусу.

В англоязычной культуре, несмотря на влияние степени близости на формальность интеракции, подобные выраженные невербальные сигналы не являются нормативными для повседневной внутрисемейной коммуникации.

Таким образом, переводческая версия фиксирует прагматический смысл действий, однако не отражает их социокультурную нормативность и специфическую культурную коннотацию, присущую оригинальному контексту.

Влияние параметра "Официальность обстановки"

Степень официальности обстановки также влияет на выбор речевых стратегий, хотя часто переплетается со статусом и степенью знакомства.

Пример 4: Просьба в официальной обстановке (при дворе или у чиновника):

Агар иҷозат диҳед, арзе дорам [Айнӣ, 2019, с. 250] – If you permit, I have something to state [Aini, 2020, p. 235].

В таджикской культурной практике параметр "официальность обстановки" в сочетании с параметром "статус адресата" детерминирует необходимость применения более сложных, составных и выраженно вежливых вербальных конструкций. В английском языке эти параметры также обусловливают выбор более формальных и вежливых форм, но степень косвенности и формулировки могут варьироваться. Переводческая версия адекватно передает прагматическое значение вежливости и запроса, однако специфическая структура и социокультурная коннотация таджикской официальной формулы сохраняется лишь на уровне буквального лексического значения.

Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что параметры моделирования ситуации коммуникации оказывают существенное влияние на выбор средств вербального и невербального этикета как в таджикской, так и в англоязычной лингвокультурах. Однако значимость данных параметров и механизмы их воздействия значительно различаются, что отражает глубокие межкультурные и типологические различия.

В таджикской лингвокультуре, репрезентированной в анализируемом литературном источнике (романе С. Айни), параметр социального статуса участников является, по всей видимости, наиболее доминирующим фактором. Вертикальные статусные отношения (дихотомия "высший-низший") жестко детерминируют не только выбор вербальных средств (от самоуничижительных формул обращения со стороны низшего к высшему до реализации директивных речевых актов со стороны высшего), но и комплекс невербальных проявлений (кинесика, проксемика). Как отмечается в работе В.И. Карасика (2018: 135), статусная дистанция выступает в качестве ключевого фактора в иерархических культурных моделях, детерминируя выбор стратегий вежливости и дистантности.

Данная корреляция наглядно продемонстрирована в Примерах 1 и 2, где участник с более низким статусом реализует стратегии экспрессии крайней степени субординации, а участник с более высоким статусом – директивность, при этом выбор этикетных средств практически полностью определяется их позицией в социальной иерархии.

В англоязычной лингвокультуре, несмотря на наличие статусной дифференциации и иерархических структур, их влияние на повседневную этикетную коммуникацию проявляется в меньшей степени и опосредованно. Это влияние выражается скорее в выборе регистров формальности (переход от неформального к формальному), нежели в использовании принципиально различных парадигм обращения и поведенческих реакций, как это характерно для таджикского оригинала.

Параметры степени знакомства (близости) и социальной дистанции зачастую играют более выраженную роль в англоязычном этикете, выступая ключевыми факторами в детерминации уровня формальности/неформальности и обусловливая выбор между номинативными формами обращения (по имени, фамилии, стандартные этикетные формулы типа "Mr./Ms.") и менее формализованными средствами.

Пример 3 иллюстрирует, что даже в условиях высокой степени близости в таджикской лингвокультуре сохраняется использование выраженных невербальных маркеров уважения к старшему (например, кинесический акт поцелуя руки), которые не относятся к нормативным образцам поведения в аналогичных коммуникативных ситуациях в англоязычной культурной среде.

Параметр официальности обстановки также оказывает влияние на реализацию этикетных норм в обеих лингвокультурах (ср. Пример 4). Однако в таджикском этикете фактор официальности зачастую тесно сопряжен с необходимостью экспрессии уважения к статусу адресата (поскольку официальный контекст, как правило, подразумевает взаимодействие с лицами более высокого статуса), что обусловливает применение специфических, иногда морфологически и синтаксически сложных вербальных конструкций. В английском этикете официальность скорее диктует выбор более полных, косвенных формул, однако без столь выраженного подчеркивания статуса на уровне каждой лексической единицы или невербального жеста.

Перевод ситуативно обусловленного речевого этикета, особенно из такой иерархически маркированной и культурно специфичной системы, как таджикская, в относительно более эгалитарную и менее явно статусно дифференцированную английскую систему, сопряжен со значительными трудностями. Буквальный перевод вербальных формул самоуничижения или специфических невербальных действий может сохранять их семантическое содержание, однако приводит к полной потере или искажению их прагматического эффекта и нормативного статуса в реципиентной лингвокультуре.

Как указывает С.Г. Тер-Минасова (2008: 105), отсутствие эквивалентных культурных реалий и норм поведения в языке перевода требует от переводчика не просто замены лексических единиц, но и культурной адаптации, что потенциально влечет за собой потери или трансформации смыслов. Таким образом, переводчику необходимо осуществлять поиск функциональных эквивалентов или прибегать к использованию комментариев для адекватной передачи культурно обусловленного значения этикетных проявлений читателю.

Анализ также подтверждает, что описания невербального поведения в художественном тексте, несмотря на их опосредованный характер, являются ценным источником информации о нормах этикета. Однако их корректная интерпретация и перевод требуют глубокого знания культурных коннотаций данных действий.

Результаты исследования подчеркивают необходимость всестороннего учета всех ключевых параметров ситуации общения при проведении анализа и организации процесса преподавания речевого этикета. Недостаточно лишь усвоить набор этикетных формул; принципиально важно понимание контекста их

применения (участники, цель коммуникации) и сопровождающих невербальных сигналов. Значимость параметров для выбора этикетных стратегий является одним из наиболее ярких проявлений культурной специфики, осознание которой критически важно для обеспечения успешной межкультурной коммуникации.

Речевой этикет является сложной системой, тесно связанной с культурой и социальными нормами, и выбор его средств во многом определяется параметрами моделирования ситуации общения. В таджикской лингвокультуре, описываемой в романе, социальный статус участников общения является, пожалуй, наиболее определяющим параметром, диктующим использование специфических, часто иерархически маркированных вербальных формул и описываемых невербальных действий, выражающих крайнюю степень почтения или директивности. В англоязычной лингвокультуре влияние статуса менее абсолютно в повседневном общении, и большую роль в выборе уровня формальности играют степень знакомства и официальность обстановки.

Таким образом, успешное моделирование ситуации общения и правильный выбор этикетных средств требуют глубокого понимания культурной специфики каждой лингвокультуры и неодинаковой значимости одних и тех же параметров в разных обществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айнӣ С. Ғуломон. Роман. Душанбе: Адабиёти бачагона, 2019. 488 с.
2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Москва: Индрик, 2017. – 269 с.
3. Ибрагимова, Р. А. Вижагиҳои морфологии шаклҳои тасрифии феъл дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Р. А. Ибрагимова, З. А. Зафарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2024. – No. 7. – P. 124-131. – EDN HFQAGT.
4. Ибрагимова, Р. А. Роҷеъ ба таркиби сохтории ибораҳои феъли дар забонҳои англисива тоҷики / Р. А. Ибрагимова // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2024. – No. 1(98). – P. 105-112. – DOI 10.24412/3005-849X-2024-1-105-112. – EDN JRYCOI.
5. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры. – Москва: Гнозис, 2018. – 320 с.
6. Куликова, Л. В. Межкультурная коммуникация: лингвокогнитивный аспект. – Москва: Флинта, 2015. – 224 с.
7. Сопоставительный анализ морфологических особенностей и словообразительного потенциала префикса наречия нов таджикском языке и его эквивалентов в английском языке / М. Н. Ахмедова, Б. П. Ашрапов, А. Ю. Гиниятуллина, Д. Б. Гарифуллина // Казанская наука. – 2025. – № 2. – С. 408-411. – EDN NVGTVP.
8. Сорокин, Ю. А. Введение в этнопсихолингвистику. – Москва: УРСС, 2014. – 168 с.
9. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия: Учебное издание. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
10. Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур. – Москва: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. – 286 с.
11. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – Москва: КДУ, 2010. – 264 с.
12. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и культура. – Москва: ИКАР, 2015. – 240 с.
13. Aini S. The Slave Boys. Translated by John Smith. London: Publisher, 2020. 280 p.
14. Ashrapov, B. P. Comparative Analysis of Lexico-Functional Peculiarities of Conjunctions Connecting Words and Phrases in English and Tajik (on the example of “Reminiscences” by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Stephanos. – 2025. – No. 1(69). – P. 28-35. – DOI 10.24249/2309-9917-2025-69-1-28-35. – EDN FKYCCX.

15. Ashrapov, B. P. Comparative analysis of the morphological peculiarities of the suffix – mand and its English equivalents (on the material of Ghulomon by S. Aini) / B. P. Ashrapov // Herald of Daghestan Scientific Center. – 2024. – No. 94. – P. 141-145. – DOI 10.31029/vestdnc94/20. – EDN PDCGHN.

16. Ashrapov, B. P. Word-building potential and morphological features of the Tajik suffix -ча and its English equivalents (on the example of animals' cub derivation) / B. P. Ashrapov // Studia Humanitatis. – 2024. – No. 2. – EDN BVIBRL.

17. Ibragimova, R. A. Comparative analysis of participial verb phrases in Tajik and ways of their expression in English / R. A. Ibragimova // The Power Of History – The History Of Power. – 2024. – Vol. 10, No. 8(58). – P. 21-29. – EDN MKVLPJ.

18. Juraeva, M. R. Theoretical views on sociocultural and communicative-strategic analysis of politeness in Tajik and English speech etiquette / M. R. Juraeva, M. N. Usmonova // The Power Of History – The History Of Power. – 2025. – Vol. 11, No. 1(59). – P. 20-30. – EDN TWBQFO.

19. Usmonova, M. N. Comparative analysis of means of speech etiquette expressions in English and Tajik (on the example of greetings and farewells) / M. N. Usmonova // The Power Of History – The History Of Power. – 2025. – Vol. 11, No. 1(59). – P. 81-87. – EDN GSSGYD.

20. Usmonova, M. N. On certain peculiarities of the notion of speech etiquette in linguistics / M. N. Usmonova // Начала Русского мира. – 2024. – No. 7. – P. 52-59. – EDN UCPSPV.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.133.1

ФРАНЦУЗСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Воронцова Маргарита Дмитриевна
Кандидат филологических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
кафедра европейских языков,
г. Москва, Россия
SPIN-код: 3548-0745

В данной статье исследуется французская языковая картина мира через анализ гастрономических фразеологизмов, отражающих национально-культурные особенности восприятия действительности с применением фреймового анализа. Автор рассматривает гастрономические фразеологические единицы как лингвокультурные фреймы, отражающие ценностные установки, эмоциональные состояния, оценку, интерпретацию действительности носителями французского языка, а также социальные стереотипы. В рамках предложенного подхода выделяются структурные компоненты фреймов, что позволяет систематизировать на материале корпуса фразеологических единиц их семантику, прагматику и культурные коннотации. Особое внимание уделяется метафорическим и метонимическим трансформациям гастрономических фразеологических единиц, формирующих устойчивые когнитивные модели (напр., *avoir la pêche* как фрейм энергетического состояния человека).

Исследование показывает, как фреймовые структуры фразеологизмов актуализируют культурно-специфические стереотипы и ценностные доминанты французского социума. Применение фреймового метода способствует углублению понимания механизмов вербализации гастрономического опыта в языке.

Результаты работы вносят вклад в изучение взаимосвязи языка, культуры и ментальности, а также расширяют понимание специфики французской фразеологии в когнитивно-дискурсивном аспекте.

Ключевые слова: французский язык, языковая картина мира, фразеологизмы, фрейм, фреймовый анализ, гастрономическая лексика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика.

FRENCH LINGUISTIC WORLDVIEW THROUGH THE PRISM OF GASTRONOMIC PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS

Vorontsova Margarita Dmitrievna
Candidate of Philology,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Department of European Languages,
Moscow, Russia

This article explores the French linguistic worldview through the analysis of gastronomic phraseological expressions reflecting national-cultural features of reality perception using frame analysis. The author considers gastronomic phraseological expressions as linguacultural frames reflecting value attitudes, emotional states, evaluation, interpretation of reality by native French speakers, as well as social stereotypes. Within the framework of the proposed approach the structural components of frames are singled out, which allows us to systematize their semantics, pragmatics and cultural connotations on material of the corpus of phraseological expressions. Special attention is paid to metaphorical and metonymic transformations of gastronomic phraseological expressions that form stable cognitive models (e.g., *avoir la pêche* as a frame of a person's energy state).

The study shows how frame structures of phraseological phrases actualize culturally specific stereotypes and value dominants of French society. The application of the frame method contributes to a deeper understanding of the mechanisms of verbalisation of gastronomic experience in language.

The results of the work contribute to the study of the link between language, culture and mentality, as well as expand the understanding of the specificity of French phraseology in the cognitive-discursive aspect.

Keywords: French language, linguistic worldview, phraseological phrases, frame, frame analysis, gastronomic lexicon, linguacultural studies, cognitive linguistics.

*****

Французская культура, признанная эталоном гастрономического искусства, формировалась под влиянием тесной и глубокой взаимосвязи языка, традиций, а также национального самосознания. Кулинарные практики и связанные с ними языковые явления, в частности, фразеологизмы, выступают не только средством коммуникации, но и важным маркером культурной идентичности. Во французском языке гастрономическая фразеология занимает особое место, отражая исторические, социальные и ментальные особенности нации.

Основная цель статьи – выявить и исследовать связь между кулинарными реалиями, языком и ментальностью посредством сравнительно-сопоставительного анализа французских фразеологизмов и их русских эквивалентов как элементов культурного кода. А также, постараться ответить на главный вопрос данного исследования: как гастрономические реалии отражают национальный менталитет.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа гастрономического кода французской культуры через призму фразеологических единиц и маркеров, которые служат своеобразным «культурным фреймом», структурирующим представление о культуре питания, её роли в повседневной жизни и национальной символике. В рамках когнитивной лингвистики фрейм понимается как когнитивная структура, систематизирующая знания и результаты её научного представления в определённом упорядоченном виде (фрейм), что позволяет соотнести выделенные структуры знания с их языковыми коррелятами в той системе единиц номинации, с помощью которой они реализуются в конкретном языке и позволяют выявить главные черты образуемого ими

нового пласта лексики, закрепляя в языке устойчивые ассоциации через вербальную репрезентацию.

Данное исследование предполагает решение следующих *задач*:

1.систематизировать ключевые фразеологические единицы и маркеры с гастрономическим компонентом в рамках соответствующих *фреймов*;

2. определить их семантико-когнитивные особенности посредством *фреймового анализа*;

3. проанализировать связь между гастрономическими образами во фразеологии и национально-культурными стереотипами французов, выявляя *базовые фреймы*, лежащие в основе национальной идентичности.

Методологическую основу исследования составляют концепция *фрейма и фреймового анализа* (Ч. Филлмор, О.А. Зяблова), концепции *лингвокультурологии* (А. Вежбицкая, В.Н. Телия, Ю.С. Степанов), а также *семиотические подходы* к изучению питания (Р. Барт, К. Леви-Стросс).

Применяются методы сплошной выборки, описательного и сравнительно-сопоставительного анализов, концептуального моделирования и когнитивной интерпретации фразеологизмов в рамках *фреймовых структур*.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении гастрономической фразеологии как динамичной *фрейм-системы*, отражающей эволюцию культурных смыслов и социальных практик.

Современные методологические принципы изучения терминологических систем, как справедливо отмечает О.А. Зяблова, основываются на интегративном подходе, сочетающем анализ *«сверху-вниз»* (через лексикографические источники и экспертные знания) и *«снизу-вверх»* (через извлечение данных из специализированных источников). Фреймовая терминология, по её мнению, позволяет структурировать информацию в виде динамичной концептуальной сети, а также изучает, как значение слов и выражений зависит от контекста, в котором они используются [2, с. 39, 42]. На наш взгляд это является актуальным в рамках анализа гастрономических фразеологизмов как элементов французской языковой картины мира.

Схожее мнение высказывает и Ч. Филлмор, который рассматривает фреймы как систему понятий, связанных между собой таким образом, что для понимания хотя бы одного из них необходимо знание всей структуры [8, p. 114].

Идентичны и полностью совпадают, в частности, положения как отечественных, так и зарубежных лингвистов относительно определения фразеологизмов. Так, А. Вежбицкая считает, что фразеологизмы отражают ключевые концепты культуры, выступая как *«свернутые культурные сценарии»* [1, с. 40]. В.Н. Телия рассматривает их как «зеркало национального менталитета, в котором запечатаны ценностные доминанты культуры» [4, с. 56].

Ю.С. Степанов полагает, что «культурные коды формируют ядерные концепты, вокруг которых организуется языковая картина мира» [3, с. 21]. С нашей точки зрения, к культурным кодам вполне можно отнести и гастрономические фразеологизмы, поскольку они образуют один из базовых культурных кодов любой нации.

Вышеупомянутый нами семиотический подход к изучению гастрономии/питания используют Р. Барт и К. Леви-Стросс. Так, Р. Барт считал, что «еда – это не просто питание, но и система знаков, структурирующая социальные отношения» [5, p. 68]. А К. Леви-Стросс подчеркивал, что «кулинарные практики – это форма мышления, а приготовление пищи – акт перехода от природы к культуре»[10, p. 28].

Исходя из вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что наше исследование стоит на пересечении когнитивной лингвистики (фреймы, фреймовый анализ), фразеологии и культурологии. Анализ гастрономического кода через фразеологизмы в фреймовом аспекте позволяет глубже понять механизмы конструирования национальной идентичности и выявить уникальные черты французского менталитета, закреплённые в языке через устойчивые когнитивные структуры.

Проведённый анализ позволил выделить и систематизировать основные фразеологические единицы с гастрономическим компонентом, а именно:

хлеб как базовая ценность:

Avoir du pain sur la planche (дословно «иметь хлеб на доске»). Основное значение: *иметь много работы*. Раньше, у фразеологического оборота было другое значение «быть обеспеченным», но под влиянием индустриализации, в XX веке он приобрёл новый смысл и значение;

Avoir la miche qui tremblote (дословно «дрожит буханка»). Основное значение: *бояться*. В разговорном языке слово miche – ягодицы. Весь юмор поставлен на игре слов с хлебом и телом;

Ça ne mange pas de pain (дословно «это не ест хлеб»). Основное значение: *действие/дело, которое не требует затрат*. Аналог в русском языке – дело нехитрое;

Faire du pain (дословно «делать хлеб»). В разговорном языке *зарабатывать деньги*. То есть, у французов хлеб – символ достатка (аналог *gagner de l'argent*);

Long comme un jour sans pain (дословно «долгий как день без хлеба»). Основное значение у данного фразеологического оборота: *невыносимо скучный и долгий период*. Культурный фрейм прослеживается в тесной связи с историей, то есть данное выражение является ничем иным, как отсылкой к историческим периодам голода, в которых хлеб был одним из основных символов выживания;

сладости и десерты:

Avoir la dent sucrée (дословно «иметь сладкий зуб»). Основное значение: *любить сладкое*. Межкультурный фрейм: в английском языке существует синонимичный французскому оборот *to have a sweet tooth*, но в русском мы говорим просто *быть сладкоежкой*;

C'est du gâteau ! (дословно «это пирог!») Основное значение: *очень просто* (аналог русского – как два пальца об асфальт). Культурный фрейм: во французском языке «легкость» ассоциируется напрямую с десертом, а в русском – с физическим действием;

Être chocolat (дословно «быть шоколадом»). Основное значение: *быть обманутым, одураченным*; *остаться ни с чем*; *потерпеть неудачу*; *влипнуть* (разг.).

вино, алкоголь как элемент социальности:

Être dans les vignes du Seigneur (дословно «быть в виноградниках Господа»). Основное значение: *быть пьяным*. Юмористическое смягчение темы опьянения посредством религиозного фрейма;

Mettre de l'eau dans son vin (дословно «добавить воды в вино»). Основное значение: *стать более уступчивым*. Культурный фрейм взаимодействует с историей: отсылка к античной практике разбавления вина.

сахар/соль как эмоции:

Sucre quelqu'un (дословно «подсахарить кого-то»). Основное значение: *льстить*. Культурный фрейм взаимодействует с психологией.

Овощи и уничижение:

C'est la fin des haricots (дословно «конец фасоли»). Основное значение: *дело с концом, дальше некуда, всё пропало; полный капец* (разг.). Существует несколько версий происхождения данного фразеологического оборота:

1. *связь с бедностью, крестьянская традиция:* в то время фасоль была дешёвой и сытой едой для бедняков и, если её не оставалось,– значит, наступила *полная нищета*;

2. *тюремный сленг (XIX в.)*: обычно в тюрьмах заключённые получали скудный рацион, где фасоль была одним из основных продуктов питания. Когда фасоль заканчивалась, это означало *крайнюю степень лишений – голод* и *отчаяние*;

3. *военный жаргон (Первая мировая война)*: солдаты в окопах питались, в основном, консервированной фасолью и данное выражение символизировало *нехватку провизии и близость поражения*;

4. *игра слов (жаргонное значение)*: в некоторых диалектах слово *«haricot»* означает «деньги», по аналогии со словом «бобы» в русском сленге и, естественно, *fin des haricots* означает *деньги кончились*, *полный финансовый крах*.

Le Trésor de la Langue Française указывает, что фраза *C'est la fin des haricots* носит разговорный и гиперболический характер, и подразумевает ироничное преувеличение: «locution hyperbolique et familière pour signifier une situation désastreuse» [17].

В современном французском и русском языках данная фраза приобрела ироничный подтекст, например:

« Avec la fermeture des cafés, pour beaucoup, c'était la fin des haricots. » Заголовок статьи *Le Monde* 2020 года о кризисе малого бизнеса. Здесь явная ирония: гастрономический фразеологический оборот использован не буквально, а как метафора краха;

« Avec cette 5e défaite, les supporters murmurent : C'est la fin des haricots. » Заголовок статьи *Le Monde* 2022 года о футбольном кризисе.

Так, учитывая все возможные версии, у французов в подсознании актуализируется культурный фрейм, связанный с символом голода, крайней нужды и/или полного банкротства.

Ce n'est pas /ne sont pas tes oignons ! (дословно «это не твои луковицы»). Основное значение: *не твоё дело*. Является также аналогом русской пословицы: *уж лаяла бы сока чужая, а не своя*. Межкультурный конфликт: для русских лук не имеет негативной коннотации (ср. «луковое счастье» в фольклоре: счастье, которое можно достигнуть через простые и доступные вещи).

По аналогии с предыдущим выражением, также существует несколько версий:

1. *крестьянская традиция:* лук считался ценным продуктом, и каждый следил за своим участком. Поэтому выражение часто отражало *уважение к частной собственности*;

2. *тюремный сленг:* заключённые использовали слово «*oignons*» как метафору «*личных вещей* или *тайн*». Фраза использовалась как предупреждение: *не лезь в чужие дела*;

3. *военный жаргон:* в армии солдаты выращивали лук для пропитания. Вмешательство в чужой урожай считалось *грубым нарушением границ*, отсюда и переносный смысл.

Ниже приведены несколько примеров использования данного гастрономического фразеологического оборота как во французской художественной литературе, так и в прессе:

– *Pourquoi tu me demandes ça ? Ce ne sont pas tes oignons !* [13, p.112]. Персонаж отчитывает любопытного соседа.

« Les réseaux sociaux ont oublié que la vie privée, ce ne sont pas leurs oignons ». Заголовок статьи *Le Monde* от 2019 года, в которой говорилось о приватности в социальных сетях.

« Le président a répondu aux journalistes : Ce ne sont pas vos oignons ». Статья в газете *Libération* от 2020 года.

Raconter des salades (дословно «рассказывать салаты»). Основное значение: *говорить ерунду*. В русском языке данному гастрономическому фразеологическому обороту соответствует *водить кого-либо за нос / вешать лапшу*.

Версии происхождения:

1. *кулинарная метафора (XIX в.):* salade (салат) – лёгкое, но бесполезное блюдо, как и враньё, его легко «приготовить». Сравнение лжи с *пустой зеленью* появилось в разговорном языке, затем усилилось благодаря схожести с выражением *raconter des fadaise* – нести чушь;

2. *военный жаргон:* в армии salade могло означать *беспорядок* и *путаницу* отсюда и возникло переносное значение *запутывать словами* (*salade des mots* – словесная каша);

3. *связь с театром:* в XIX веке актёры-любители (в народе их прозвали *saladins*) плохо играли, *перевирая* роли.

Примеры использования данного выражения в художественной литературе:

Arrête de me raconter des salades ! Je sais que tu as menti à l'instituteur. [14, p. 45]. В данном контексте мама разоблачает ложь своего ребёнка.

Ce type nous raconte des salades depuis une heure… Mais où est la vérité ? [16, p. 35]. Комиссар Мегрэ изобличил вранье подозреваемого.

Si tu continues à me servir des salades, je te colle mon poing dans la figure ! [15, p. 80]. Типичная угроза в стиле детектива.

Примеры из прессы:

Lutte contre la malbouffe : Macron nous raconte encore des salades ! [11]. Статья, опубликованная на сайте французской партии *La France insoumise* 21 мая 2019 года.

« Bilan de Macron et de la macronie. Pouvoir d'achat, chômage… Ils nous racontent des salades ! [6]. Статья опубликована в блоге движения *Front de gauche Pierre Bénite* 20 ноября 2021 года.

« Durabilité, et si on arrêtait de se raconter des salades ? » [7]. Название экономической конференции, которая проходила 22 октября 2024 года во Франции.

Observatoire de l'agribashing en Gironde : « Il faut arrêter de raconter des salades ». Заголовок статьи *Rue89Bordeaux* от 21 декабря 2019 года в которой Доминик Теше (секретарь профсоюза, а также виноградарь) предупреждает о неизбежности промышленной катастрофы в Бордо [12].

фрукты:

Avoir la figue (дословно «иметь инжир»). Основное значение: *быть в хорошем настроении*. Выражение распространено в регионе Франции, Прованс.

Avoir la pêche (дословно «иметь персик»). Основное значение: *быть в отличной форме, полным энергии и хорошего настроения*. Актуализируется культурный фрейм:

1) через фруктовую метафору: персик ассоциируется с сочностью, яркостью и жизненной силой, т.е. перенос на бодрое состояние человека (в русском языке «быть огурцом»);

2) спелый персик = пик свежести – человек в пике активности, также его круглая форма является символом энергии, а цвет – символ энергии;

3) контраст с негативными выражениями: противопоставление фразам типа *avoir la patate* (быть уставшим), *être raplapla* (выдохнуться).

Couper la poire en deux (дословно «разрезать грушу пополам»). Основное значение: *пойти на компромисс; найти взвешенное/справедливое решение, чтобы удовлетворить обе стороны*. Культурный фрейм: груша во французской культуре плод согласия (*être une bonne poire* – быть добряком).

Происхождение:

1. *метафора*: груша – символ чего-то целого, что можно разделить справедливо разделить пополам. В отличие от яблока режется ровно, что усиливает идею *равного компромисса*;

2. *связь с юридическим языком*: во французском праве существовал принцип *partage par moitié* (раздел пополам), который мог отразиться в выражении;

3. *крестьянская традиция*: в крестьянских семьях последнюю грушу делили поровну между детьми – отсюда ассоциация со справедливым распределением.

Примеры употребления данного выражения:

В 1882 году (примерная дата, когда это выражение впервые появилось во французской литературе) F. Galipaux и L. Cressonois написали пьесу с участием двух спорящих героев. Пьеса называлась *«La poire en deux»*. В ней рассказывается о двух героях, спорящих по поводу декламации текста. Один из них предложил, чтобы каждый прочитал по абзацу. История заканчивается тем, что ни один из них так и не пришел к консенсусу. До сих пор так и не известно, существовало ли это выражение раньше или его породила сценка.

В 2018 году вышла в свет книга под названием « *Ne coupez jamais la poire en deux. Un manuel redoutable pour négocier gagnant par un négociateur du FBI*» [18].

Haut comme trois pommes (дословно «ростом в три яблока»). Основное значение: *очень низкий (о ребёнке)*. Культурный фрейм: в данном случае яблоко –

символ чего-то маленького и круглого (в русском «метр с кепкой» акцент на одежду, не на фрукт).

Pomme de discorde (дословно «яблоко раздора). В нормандском варианте французского языка (*pomme à cidre de discorde*). Культурный фрейм взаимодействует с историей: споры из-за наследства в крестьянских семьях часто касались яблоневых садов.

Ramener sa fraise (дословно «притащить свою клубнику»). Основное значение: *влезть в разговор без приглашения* (аналог русского «лезть со своим мнением»). В данном выражении *fraise* – сленговое обозначение рта.

Tomber/être dans les pommes (дословно «упасть в яблоки»). Основное значение: *упасть в обморок*. Впервые данное выражение было употреблено в XIX веке. A. Dauzat и некоторые историки языка считают, что оно произошло от выражения *tomber/être dans les pâmes* (упасть в обморок, в результате сильных эмоций). Другие полагают, что оно произошло от выражения *être dans les pommes cuites*, приписываемого писательнице Жорж Санд: она использовала его для выражения сильной усталости. Стоит также отметить, что печеные яблоки было принято бросать в театральных актёров, которых считали плохими, что еще больше усиливало образ слабости, олицетворяемый печеным яблоком [9].

сыр как символ сложности

Во Франции производят более 1200 сортов сыра, что, естественно, нашло своё отражение в языке:

Entre la poire et le fromage (дословно «между грушей и сыром»). Основное значение: *время задушевных разговоров после еды, когда обстановка становится более непринуждённой*. Культурный фрейм: во Франции, в частности в Бургундии и Нормандии, существует традиция подачи сырной тарелки перед десертом, символизируя переход к неформальному общению, а также как кульминации ужина. Взаимосвязь культурного фрейма с историей: в XVII веке сыр ели после фруктов, типичными примерами которых были груши.

En faire tout un fromage (дословно «раздуть целый сыр»). Основное значение: *преувеличивать что-либо*. Аналог в русском: делать из мухи слона.

Fondre comme du camembert (дословно «таять как камамбер»). Культурный фрейм: камамбер изнутри мягкий – намёк на скрытую чувствительность. Аналог в русском языке: таять как свечка.

Fort comme un reblochon (дословно «крепкий как реблошон»). Данное выражение употребляется в регионе Савойя. Взаимодействие культурного фрейма с иронией: данный вид сыра очень легко плавится, и фраза употребляется в значении «показушной/мнимой силы».

Проведённое исследование позволило выявить ключевые аспекты французской языковой картины мира через призму гастрономических фразеологизмов, демонстрирующих глубокую взаимосвязь языка, культуры и менталитета. Анализ фразеологических единиц с гастрономическим компонентом в рамках фреймового подхода подтвердил их значимость как лингвокультурных маркеров, отражающих ценностные установки, социальные стереотипы, исторические реалии французского общества, без знания которых, они могут стать «ловушками» для переводчиков.

Основные результаты исследования:

1. систематизация гастрономических фразеологизмов по тематикам (хлеб, сладости, вино фрукты, овощи и др.), что позволило выявить их семантико-когнитивные особенности и культурные коннотации;

2. установление связи между метафорическими и метонимическими трансформациями фразеологизмов и устойчивыми когнитивными моделями, такими как энергетическое состояние человека (avoir la pêche), эмоциональные реакции (être chocolat) или социальные ритуалы (entre la poire et le fromage);

3. демонстрация того, как гастрономические фразеологизмы актуализируют культурно-специфические стереотипы, например, ассоциация хлеба с

благополучием (avoir du pain sur la planche) или вина с социальным взаимодействием (mettre de l'eau dans son vin).

Применение фреймового анализа позволило не только структурировать языковой материал, но и раскрыть динамику культурных концептов, закрепленных в национальном языке. Исследование подтвердило гипотезу о том, что гастрономическая фразеология служит важным инструментом формирования национальной идентичности, отражая исторические, социальные и психологические аспекты французской культуры.

Результаты работы вносят вклад в развитие когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, расширяя понимание механизмов вербализации культурного опыта.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с употреблением гастрономических фразеологизмов во французской, английской и испанской киноиндустрии и музыке, что позволит углубить представления о межкультурных различиях и универсалиях в языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.– М.: Русские словари, 1996. 416 с.

2. Зяблова О.А. Современные методологические принципы изучения терминологических систем: фреймовая терминология // Человек. Социум. Общество.– 2024.– №S1.– С.39-46

3. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры.– Изд. 3-е, испр. и доп.– М.: Академический проект, 2004. 991 с.

4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки Русской Культуры», 1996. 288 с.

5. Barthes, R. Mythologies. P.: Éditions du Seuil, 1957. 267 p.

6. Bilan de Macron et de la macronie. Pouvoir d'achat, chômage… Ils nous racontent des salades ! [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://fdgpierrebe.over-blog.com/2021/11/bilan-de-macron.pouvoir-d-achat-chomage-on-nous-raconte-des-salades.html (дата обращения: 30.04.2025)

7. Durabilité, et si on arrêtait de se raconter des salades ? [Электронный ресурс] .– Режим доступа: URL: https://enzyme.hecexecutiveschool.be/si-on-arretait-de-raconter-des-salades (дата обращения: 30.04.2025)

8. Filmore, C. J. Frame Semantics. In Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin. 111-137 pp.

9. Larousse [Электронный ресурс].– Режим доступа: URL: https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-monolingue (дата обращения: 30.04.2025)

10. Lévi-Strauss, C. Mythologiques t.1. Le cru et le cuit. P.: Plon, 2014. 528 p.

11. Lutte contre la malbouffe: Macron nous raconte encore des salades ! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://lafranceinsoumise.fr/2019/05/21/lutte-contre-la-malbouffe-macron-nous-raconte-encore-des-salades/ (дата обращения: 30.04.2025)

12. Observatoire de l'agribashing en Gironde: «Il faut arrêter de raconter des salades». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rue89bordeaux.com/2019/12/observatoire-de-lagribashing-en-gironde-il-faut-arreter-de-raconter-des-salades/ (дата обращения: 30.04.2025)

13. Pagnol M. La gloire de mon père. P.: Grasset. Student édition, 2004. 240 p.

14. Pagnol M. Le château de ma mère. P.: Grasset. Reprint édition, 2004. 240 p.

15. San-Antonio Du plomb dans les tripes. P.: Pocket, 2014. 256 p.

16. Simenon J. Maigret et le clochard. P.: Presses de la Cité, 1963. 187 p.

17. Trésor de la langue française. Dictionnaire de la langue du XIX-e et du XX-e siècle (édité par le centre national de la recherche scientifique). P.: 1971-1994. T1-16.

18. Voss C., Raz T. Ne coupez jamais la poire en deux. Un manuel redoutable pour négocier gagnant par un négociateur du FBI. P.: Belfond, 2018. 288 p.

УДК 81.002.82

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАССИВНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ТАДЖИКСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Ибрагимова Раъно Абдушукуровна
К.филол.н., доцент кафедры перевода и грамматики английского языка факультета иностранных языков,
ГОУ "Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова",
Республика Таджикистан, г. Худжанд

Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу способов использования пассивных синтаксических словосочетаний в английском языке и соответствующих им структур, выражающих пассивное значение, в таджикском языке. Пассивный залог является важной грамматической категорией, позволяющей по-разному расставлять акценты в предложении и выражать различные коммуникативные намерения. В английском языке пассивные конструкции широко распространены и выполняют множество функций (например, фокусирование на объекте действия, умолчание об агенсе, создание официального стиля). Таджикский язык, обладая иными грамматическими средствами, также способен выражать пассивное значение различными способами (аналитические конструкции с вспомогательными глаголами, синтетические формы, безличные предложения). Цель исследования – выявить основные способы функционального использования пассивных структур в английском языке и проанализировать, какими синтаксическими и морфологическими средствами выражаются аналогичные значения и функции в таджикском языке на примерах из выбранного художественного текста. Применяя методы функционально-прагматического, сравнительного, описательного и структурно-семантического анализа к выборке предложений, исследование демонстрирует типологические различия в выражении пассивности и выявляет особенности эквивалентности пассивных конструкций в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: пассивный залог, пассивные конструкции, синтаксис, английский язык, таджикский язык, сравнительный анализ, функциональный аспект, эквивалентность.

SOME WAYS OF USING PASSIVE SYNTACTIC PHRASES IN ENGLISH AND THEIR TAJIK CORRESPONDENTS

Ibragimova Rano Abdushukurovna
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and English Grammar, Faculty of Foreign languages, SEI "Khujand State University named after academician Bobojon Gafurov"
Tajikistan Republic, Khujand

This article is devoted to the comparative-contrastive analysis of the ways of using passive syntactic phrases in the English language and the corresponding structures expressing passive meaning in the Tajik language. Passive voice is an important grammatical category that allows different accents to be placed in a sentence and various communicative intentions to be expressed. In English, passive constructions are widespread and perform many functions (for example, focusing on the object of action,

keeping silent about the agent, creating a formal style). The Tajik language, having other grammatical means, is also able to express passive meaning in various ways (analytical constructions with auxiliary verbs, synthetic forms, impersonal sentences). The purpose of the study is to identify the main ways of functional use of passive structures in the English language and to analyze what syntactic and morphological means are used to express similar meanings and functions in the Tajik language using examples from the selected literary text. By applying the methods of functional-pragmatic, comparative, descriptive and structural-semantic analysis to a sample of sentences, the study demonstrates typological differences in the expression of passivity and reveals the features of equivalence of passive constructions in the compared languages.

Keywords: passive voice, passive constructions, syntax, English, Tajik, comparative analysis, functional aspect, equivalence.

*****

Категория залога является одной из фундаментальных грамматических категорий глагола, отражающей взаимоотношение между субъектом, предикатом и объектом действия [10, с. 105]. В большинстве языков мира выделяются как минимум два основных залога: активный (действительный), где субъект является производителем действия, и пассивный (страдательный), где субъект является объектом действия, а само действие совершается над ним или по отношению к нему [3, с. 124].

Пассивный залог играет важную роль в организации предложения и текста, позволяя смещать фокус внимания с производителя действия (агенса) на объект действия или на само действие, а также полностью опускать упоминание об агенсе, если он неизвестен, неважен или очевиден из контекста [4, с. 105]. Способы формирования пассивных конструкций и функциональная нагрузка пассивного залога могут значительно различаться в языках разных типов. Например, в языках с развитой флективной морфологией пассив может выражаться синтетическими формами глагола (как в латыни или русском языке в некоторых случаях), тогда как в аналитических языках преобладают аналитические конструкции с вспомогательными глаголами и причастиями (как в английском) [1, с. 110]. В языках же с иным грамматическим строем для передачи пассивного значения могут использоваться совершенно иные синтаксические обороты, включая рефлексивные формы или безличные построения [2].

Английский язык известен широким использованием пассивных синтаксических словосочетаний, образованных по схеме "вспомогательный глагол to be (или to get) + причастие прошедшего времени смыслового глагола (Past Participle)" [3, с.124]. Эти конструкции не только выражают собственно страдательное значение, но и выполняют разнообразные прагматические и стилистические функции в речи и письме, становясь неотъемлемой частью английской коммуникативной системы. Понимание этих функций является критически важным для эффективного владения языком.

Таджикский язык, относящийся к иранской группе индоевропейских языков, имеет свою собственную систему выражения пассивного значения. Традиционно выделяются аналитические формы пассива, образующиеся при помощи вспомогательных глаголов шудан и гардидан в сочетании с причастием прошедшего времени (порой и с другими формами) смыслового глагола [8; 11]. Однако, как и во многих языках, пассивное значение может передаваться и другими способами, включая рефлексивные глаголы или контекстуальные особенности активных конструкций.

Сравнительное изучение способов использования пассивных конструкций в английском языке и средств выражения соответствующего значения в таджикском языке представляет значительный научный интерес. Оно позволяет выявить как универсальные механизмы передачи пассивной семантики, так и уникальные черты

каждого из языков, обусловленные их типологией и историческим развитием. Такой анализ особенно ценен при сопоставлении языков, принадлежащих к разным языковым семьям и обладающих различной степенью аналитизма/синтетизма, как в случае с английским и таджикским языками.

Несмотря на наличие работ, посвященных пассивному залогу как в английском, так и в таджикском языках, а также трудов по сравнительной грамматике этих языков, исследований, детально сопоставляющих именно способы функционального использования английских пассивных синтаксических словосочетаний с их соответствиями в конкретном классическом произведении таджикской литературы, недостаточно. Это создает научную проблему и обосновывает актуальность данного исследования.

Цель данной статьи – выявить основные способы функционального использования пассивных синтаксических словосочетаний в английском языке и проанализировать, какими синтаксическими и морфологическими средствами выражаются аналогичные значения и функции в таджикском языке определив степень их эквивалентности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- систематизировать основные функциональные способы использования пассивных синтаксических словосочетаний в английском языке на основе анализа лингвистической литературы;
- проанализировать грамматическую форму и структуру выявленных таджикских соответствий;
- сопоставить функциональные особенности английских пассивных конструкций с их таджикскими эквивалентами, обнаруженными в тексте;
- провести глубокий сравнительный анализ степени эквивалентности и возможных расхождений в использовании пассивных структур в сопоставляемых языках.

Объектом исследования выступают пассивные синтаксические словосочетания в английском языке и выражающие пассивное значение структуры в таджикском языке.

Исследование проводится в рамках сравнительно-сопоставительной лингвистики и функциональной грамматики. Для решения поставленных задач используется комплекс взаимодополняющих методов:

- *функционально-прагматического анализа:* применяется для выявления и описания коммуникативных функций, которые выполняют пассивные конструкции в английском языке (смещение фокуса, умолчание об агенсе, создание стиля и т.д.);
- *сравнительно-сопоставительного анализа:* используется для выявления сходств и различий в грамматических средствах выражения пассивного значения и способах их функционального использования в английском и таджикском языках;
- *описательного анализа:* включает приемы классификации, обобщения и интерпретации для систематизации выявленных в тексте таджикских структур и описания их грамматических особенностей
- *структурно-семантический анализ:* применяется для изучения формальной организации (структуры) таджикских предложений, выражающих пассивное значение, и связи этой структуры с передаваемой семантикой пассивности;
- *эквивалентного перевода/сопоставления:* на основе анализа функций английского пассива и выявленных таджикских структур проводится сопоставление их потенциальной эквивалентности в контексте передачи того или иного смысла.

Ограничением исследования является анализ материала только одного художественного произведения, что может не отражать всей полноты использования пассивных структур в таджикском языке в целом (например, в научном или публицистическом стиле). Однако для целей сопоставления с функционалом английского пассива в рамках художественного текста данный материал представляется репрезентативным.

Как известно, причастие II используется в пассивных конструкциях, где подлежащее предложения является объектом действия, а не его исполнителем.

Например, в предложении: *There was no one who could read what was written but we knew you must be a very learned man to have your picture in the paper" [12, p.49] – Касе набуд, ки он чи навишта шудааст, хонад, аммо мо медонистем, ки шумо бояд як марди хеле донишманд бошед, то расми шумо дар коғаз бошад* причастие «written» указывает на то, что что-то подверглось действию, т.е. написанию «навишта шудааст», а не совершила его. Причастие II также используется в перфектных временах, которые описывают действия, завершенные к определенному моменту времени или имеющие связь с настоящим. Например, в предложении *I have asked, and "He has answered" [12, p.60]. – Ман пурсидам, ва «Ӯ ҷавоб дод»* причастие «*asked*» указывает на завершенность действия. Таким образом, профессор А.И. Смирницкий, наряду с другими лингвистами, отмечает, что английское причастие II передает как пассивное, так и перфектное значение [9, с.260-265].

Глаголы могут быть переходными, т.е. требуют дополнения или непереходными, т.е. не требуют дополнения. Это влияет на то, как будет использоваться причастие II. Дуративные глаголы обозначают длительное действие, тогда как терминативные – завершенное. Эти аспекты также влияют на значение причастия II. Это распределение глаголов по категориям, которое может влиять на использование причастия II. Причастие II может выражать как пассивное значение, где действие выполняется над субъектом, так и перфектное значение, где действие завершено. Таким образом, в зависимости от переходности и непереходности, а также дуративности и терминативности глагола и его распределения, два значения причастия II проявляются в различной степени. Эти значения позволяют использовать причастие II в аналитических конструкциях страдательного залога и для формирования перфектных форм. Как указывает А.И. Смирницкий [9, с. 260-261], у некоторых глаголов причастие II может выражать как пассивное, так и перфектное значение: *He's written about all the things he knows, and now he's on all the things he doesn't know [13, p. 48] – Ӯ дар бораи ҳама чизҳое, ки медонад, навиштааст ва ҳоло ӯ дар бораи ҳама чизҳое, ки намедонад.*

And he's written a book, and nobody will publish my stuff, nobody at all. [13, p.53] – Ва ӯ китоб навиштааст ва ҳеҷ кас маводи маро нашр намекунад, ҳеҷ кас в то время, как у других пассивность явно выражена, но значение перфектности отсутствует, например: *He loved to win at tennis. He probably loved to win as much as Lenglen, for instance [13, p.51] – Вай дар теннис ғолиб шуданро дӯст медошт. Масалан, ӯ эҳтимол мисли Ленглен ғолиб шуданро дӯст медошт.*

He was so sure that Brett loved him [13, p.233] – Вай чунон боварӣ дошт, ки Бретт ӯро дӯст медорад.

У третьей группы глаголов причастие II передает только значение перфектности, например: *He's gone to the other side of town [13, p.63] – Ӯ ба тарафи дигари шаҳр рафтааст.*

Bill had gone up-stairs as we came in, and I found him washing and changing in his room [13, p.152] – Вақте ки мо даромадем, Билл ба зинапоя боло рафта буд ва ман дидам, ки ӯ дар ҳуҷрааш шустушӯй ва либос мепӯшад.

	Перфектность	Пассивность
Written	+	+
Loved	—	+
Gone	+	—

В английском языке некоторые непереходные глаголы могут образовывать причастие II, которое в определенных контекстах может восприниматься как пассивное. Это происходит, когда такие глаголы используются в сочетании с предложными наречиями, например: *It was enough to break down one's heart to look at poor Lambertini [14, p.56] – Барои дилшиканӣ ба Ламбертинии бечора нигаристан бас буд.*

В этом случае значение может изменяться, и действие может восприниматься как происходящее с участием объекта, хотя формально глагол остается непереходным.

Следует отметить, что у непереходных глаголов или у глаголов, использующихся в непереходном значении, причастие II не имеет пассивного значения. Тем не менее, в английском языке некоторые непереходные глаголы могут приобретать пассивное значение в форме причастия II, но только при определенных условиях, например, в сочетании с предложными наречиями [9, с.261].

Причастие II непереходных глаголов редко применяется отдельно. Обычно оно не функционирует как самостоятельная форма, а используется в составе аналитических конструкций, таких как перфектные времена, например: *Reni has gone away with my son [14, p.152] – Рэнни бо писарам рафт.*

"Ah, you are a gipsy! Zita has gone back to her own people, then?" [14, p.152] – «Оҳ, шумо ҷӯгиед! Зита ба назди мардуми худ баргашт, пас?

You have come to rout me out about those proofs [14, p.112] – Шумо барои он омадаед, ки маро дар бораи ин далелҳо сарнагун кунед.

"Signor Rivarez," the Cardinal interrupted, "I have come here on your account--not on my own [14, p.194] – "Синйор Риварес, – сухани худро буриданд кардинал, – ман ба ин ҷо барои шумо омадаам, на аз барои худ.

Причастия «gone» и «come» являются исключениями, так как их можно использовать вне аналитических форм в определенных контекстах. Например, в предложениях с глаголом "be" (например, "he is come", "he is gone"), эти формы могут употребляться в разговорной речи или в некоторых диалектах, хотя они считаются устаревшими или неформальными.

На самом деле, причастие II непереходных глаголов практически не используется как самостоятельная форма, то есть отдельно от аналитических конструкций. Обычно оно встречается только в составе перфектных форм, где вопрос о пассивном значении не возникает. Исключение составляют причастия «gone» и «come», которые могут употребляться вне аналитической формы в определенных изолированных случаях, например, в сочетании с глаголом be [9, с.261].

Следует рассмотреть аналитические конструкции, в которых причастие II выполняет роль смыслового элемента в пассивных формах.

The letter was written in a code that only she could decipher [12, p.45] – Мактуб бо рамз навишта шуда буд, ки танҳо вай метавонист онро фаҳмад. Здесь «written» является причастием прошедшего времени глагола (Participle II) «write», образующее пассивную конструкцию.

The house had been emptied for years; its grandeur was slowly being consumed by the passing of time [12, p.80] – Хона солхо холӣ буд, бо гузашти вақт азамати он оҳиста-оҳиста тамом мешуд. Здесь «consumed» – это причастие прошедшего времени (Participle II) от глагола «consume», образующее пассивную конструкцию.

The flowers were arranged with precision, each petal delicately placed to create a work of art [12, p.90] – Гулҳо чунон дақиқ ҷойгир карда шуда буданд ва ҳар як гулбарг бодиққат ҷойгир карда шуда, асари санъатро ба вуҷуд оварда буданд. Здесь «arranged» – это причастие прошедшего времени (Participle II) глагола «arrange», образующее пассивную конструкцию.

The city was besieged by the enemy, its walls crumbling under the constant barrage [12, p.100] – Шаҳрро душман муҳосира карда буд, деворҳояш дар зери зарбаи доимӣ хароб шуда буд. Здесь «besieged» причастие прошедшего времени (Participle II) глагола «besiege», образующее пассивную конструкцию.

Такие причастия II в английском языке как «written», «consumed», «arranged» и «besieged» являются формами глаголов, которые используются для обозначения завершенного действия или состояния. Например, «written» – это форма глагола «write» (писать), которая указывает на то, что действие уже завершено. Причастия выражают различные аспекты процесса действия. Например, «consumed» (потребленный) может подразумевать, что что-то было использовано или истрачено.

Причастия сохраняют некоторые свойства глаголов и могут сочетаться с другими словами (адъюнктами), которые уточняют или дополняют их значение. Это может быть, например, обстоятельство времени или места.

Причастия могут образовываться как от переходных глаголов (глаголов, которые требуют дополнения), так и от непереходных (глаголов, которые не требуют дополнения). Например, «arranged» (организованный) может происходить от переходного глагола «arrange» (организовать), в то время как «besieged» (осажденный) может быть от непереходного «besiege» (осаждать).

Все упомянутые причастия имеют пассивное значение, что означает, что они указывают на действие, которое произошло с объектом, а не на то, что субъект совершает действие. Они используются для формирования пассивных конструкций, таких как «The book was written by the author» (Книга была написана автором).

В этих примерах используются причастия II: «written», «consumed», «arranged» и «besieged», которые отражают различные процессуальные характеристики. Большинство из них, сохраняя свои глагольные качества, могут сочетаться с различными адъюнктами. Некоторые из этих причастий образованы от переходных глаголов, а другие – от непереходных. Все причастия ясно демонстрируют пассивное значение, так как выступают в роли объектных глаголов и применяются для формирования пассивных конструкций.

В пассивных предложениях обязательно присутствует глагол «to be» в различных формах (am, is, are, was, were и т.д.). Он используется как вспомогательный глагол, который помогает образовать пассивный залог.

Пассивная конструкция образуется сочетанием формы глагола «to be» с причастием II (второй формой) смыслового глагола. Например, в предложении

Arthur's eyes travelled slowly down the page, past the unsteady letters in which her name was written [14, p.41] – Чашмони Артур оҳиста-оҳиста дар сафҳа ҳаракат карда, аз назди ҳарфҳои ноустувор, ки дар он номи ӯ навишта шуда буд, гузаштанд.

Страдательный залог (пассив) противопоставляется действительному залогу (активу). В активном залоге субъект выполняет действие, например:

Then Bini wrote and told me to pass through Pisa to-day on my way home, so that I could come here [14, p.16] – Баъд Бини навишт ва ба ман гуфт, ки имрӯз ҳангоми ба хона рафтан аз Пиза гузарам, то тавонам ин ҷо биё тогда как в пассивном залоге субъект испытывает действие (книга была написана автором).

Помимо «to be», в пассивных конструкциях могут использоваться и другие вспомогательные глаголы, такие как: «*will*» – указывает на будущее время, например: *But by the middle of August the subdirector will be back from his holiday [14, p.3]. – Аммо то нимаи моҳи август ҷонишини директор аз таътили худ бар мегардад.*

- «*being***»** – обозначает длительный пассив, например: *Whether Montanelli understands for what purpose he is being sent to Tuscany [14, p.88] – Новобаста аз он ки Монтанелли мефаҳмад, ки ӯро бо чӣ мақсад ба Тоскана фиристодаанд;*

- «*had***»** – выражает перфектное значение, указывая на завершенность действия в прошлом, например:

The pain was pretty bad, you see, and my temper had been spoiled in childhood with overmuch coddling [14, p.120] – Дард хеле сахт буд, мебинед, хислати ман аз ғамхории зиёд дар кӯдакӣ вайрон шуда буд.

Таким образом, во всех предложениях используется глагол «to be» в разных формах, так как пассивная конструкция создается с помощью личной формы этого глагола в роли вспомогательного и формы причастия II основного глагола. Сочетание вспомогательного глагола «to be» с причастием II образует страдательный залог, который противопоставляется действительному залогу, где такое сочетание отсутствует. Кроме «to be», также могут применяться другие вспомогательные глаголы, такие как «will», «being» и «had», которые выполняют разные грамматические функции: «will» указывает на будущее время, «being» обозначает продолжительный пассив, а «had» выражает перфектное значение.

4. Заключение

Причастия в различных языках могут выполнять схожие функции. В данном контексте упоминается, что причастия могут быть частью аналитических конструкций, которые выражают такие грамматические категории, как залог (кто выполняет действие), вид (как воспринимается действие), временная отнесенность (когда происходит действие) в английском языке, и временные формы глагола в таджикском языке.

В таджикском языке причастия могут сочетаться с десемантизированными (или лишенными конкретного значения) глаголами. Это означает, что таджикские причастия могут образовывать конструкции, которые помогают выражать аспектуальные значения глагола, то есть уточнять, как именно происходит действие (например, завершено оно или продолжается).

В целом, в аналитических конструкциях английское причастие II выполняет синтаксическую роль одного из элементов сказуемого. Причастия в сопоставляемых языках могут выступать в качестве компонентов аналитических конструкций, которые выражают категориальные значения залога, вида и временной отнесенности в английском языке, а также временные формы глагола в таджикском языке. Кроме того, таджикское причастие может сочетаться с рядом десемантизированных глаголов, что, очевидно, позволяет выражать аспектуальные значения глагола.

Установлено, что пассивные синтаксические словосочетания в английском языке выполняют разнообразные функциональные задачи, включая фокусирование на объекте действия, умолчание об агенсе, создание безличного стиля, описание состояния/результата, а также особенности при работе с двумя объектами и фразовыми глаголами.

Таким образом, несмотря на наличие в таджикском языке структур, прямо соответствующих английскому пассиву по форме, таджикский язык демонстрирует большее разнообразие средств для выражения пассивного значения в целом, активно используя безличные обороты и иные синтаксические построения для достижения тех же прагматических целей, что и английский пассив в различных его функциях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 1989. – 254 с.
2. Забони адабии хозираи точик. ы.-1, Фонетика ва морфология. -Душанбе, 1973. – 451с.
3. Ибрагимова, Р. А. Вижагиҳои морфологии шаклҳои тасрифии феъл дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ / Р. А. Ибрагимова, З. А. Зафарова // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – 2024. – No. 7. – P. 124-131. – EDN HFQAGT.
4. Ибрагимова, Р. А. Роҷеъ ба таркиби сохтории ибораҳои феъли дар забонҳои англисива тоҷики / Р. А. Ибрагимова // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – 2024. – No. 1(98). – P. 105-112. – DOI 10.24412/3005-849X-2024-1-105-112. – EDN JRYCOI.
5. Ильиш Б. А. Современный английский язык. – М., 1948. – 346 с.
6. Казенин К. И. Структура синтетических и аналитических форм глагола // Исследования по теории грамматики. Вып. 6. Типология аспектуальных систем. – 2012. – С. 70-98.
7. Меликов И. И. Проблемы перевода пассивных конструкций с английского на таджикский язык // Язык и литература. – 2022. – №2. – С. 90-95.
8. Назарова З. Б. Средства выражения пассивности в таджикском языке и их семантика // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2020. – №4. – С. 180-185.
9. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит. иностр.яз.,1959.- 440с.

10. Теодор С. Активный и пассивный залог в английском языке: функциональный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – №3. – С. 100-105.

11. Усмонов К. Грамматикаи муқоисавии забонҳои англисц ва тоҷикӣ. Хужанд, 2017.- 330 с.

12. Abrahams, P. The Path of thunder. M.: Foreign Lang's Publishing House, 1954. 295 p.

13. Hemingway E., Moddelmog D. The sun also rises. – Broadview Press, 2024.

14. Voynich, E. The Gadfly. – M.: Foreign languages Publishing House, 1954. – 332 p.

УДК 81'42

КОГЕРЕНТНОСТЬ И КОГЕЗИЯ В ТЕМАТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ТЕКСТА

Искендерова Нушаба Рамиз гызы
Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранных языков»,
Азербайджанского Медицинского Университета,
г. Баку

В статье представлены результаты сравнительно-сопоставительного анализа оригинального текста рассказа Э. Хемингуэя «Банальная история» и его перевода на русский язык, демонстрирующие, что нарушение структурно-семантических связей между микротемами приводит к существенной потере информации при переводе. Актуальность предпринятого исследования обусловлена необходимостью выявления закономерностей в последовательном формировании межтематических связей как фактора, обеспечивающего адекватность перевода художественного текста. Теоретической основой работы служит положение о том, что целостность текста на разных уровнях его организации обеспечивается когезией (формальной связностью) и когерентностью (смысловой целостностью). В рамках исследования рассматриваются следующие динамические аспекты тематического развития текста: механизмы формирования начальной микротемы; принципы последовательного развертывания и интеграции последующих микротем; структурно-функциональные особенности межтематических связей; типология логико-семантических отношений между тематическими элементами. Методологическая база исследования основана на сочетании структурно-семантического и сравнительного анализа текстов оригинала и перевода.

Ключевые слова: текст, тема, микротема, макротема, тематическое развитие, когезия, когерентность.

COHERENCE AND COHESION IN THEMATIC DEVELOPMENT OF TEXT

Isgandarova Nushaba Ramiz
PhD in Philology, Associate Professor of the Department of
Foreign Languages at Azerbaijan Medical University,
Baku

This article presents the results of a comparative analysis of Ernest Hemingway's original short story "Banal Story" and its translation into Russian, demonstrating that violations of structural-semantic links between microthemes lead to significant information loss in translation. The relevance of this research is determined by the need to identify patterns in the sequential formation of inter-thematic connections as a factor ensuring the adequacy of literary text translation. The theoretical basis of the work is the position that text integrity at different levels of its organization is provided by cohesion (formal connectivity) and coherence (semantic integrity). The study examines the following dynamic aspects of thematic development: mechanisms of initial microtheme formation; principles of sequential deployment and integration of subsequent microthemes; structural and functional features of inter-thematic connections; typology of logical-semantic relations between thematic elements. The research methodology is based on a combination of structural-semantic and comparative analysis of the original and translated texts.

Keywords: text, theme, microtheme, macrotheme, thematic development, cohesion, coherence.

*****

Проблемы связности текста и смысловой целостности представляют собой одно из центральных направлений исследований в современной текстовой лингвистике и теории перевода. Указанная проблематика приобретает особую значимость при анализе художественной литературы, где развитие темы часто происходит через сложное взаимодействие различных структурных компонентов текста.

Связность (когезия) и цельность (когерентность) текста, составляющие основу его текстуальности, обеспечивают как формально-грамматическую организацию материала, так и смысловую интеграцию содержания, что существенно влияет на адекватность перевода текста на иностранный язык. Несмотря на значительное количество работ, посвященных данной проблематике, механизмы взаимодействия структурно-семантических компонентов текста в процессе его развертывания требуют дальнейшего системного изучения.

В статье анализируется структурно-семантическая организация художественного текста на основе взаимодействия микротематических единиц в рамках различных логико-семантических отношений; рассматриваются пять основных типов таких отношений: тождества, связи, пересечения, противопоставления и исключения. Указанные типы отношений определяются как основные механизмы формирования когезии и когерентности текста.

Цель работы заключается в выявлении принципов организации текста как целостного связного образования и установлении закономерностей его членения на структурные единицы.

Методологическую базу исследования составляют: описательный метод, сравнительный анализ исходного текста и перевода, структурно-семантический анализ текстовых фрагментов и контекстуальный анализ логико-семантических отношений между микротемами. Эмпирическим материалом исследования послужил рассказ Э. Хемингуэя “Banal story” и его перевод на русский язык.

Вопросы когезии и когерентности текста сохраняют актуальность в современной лингвистике, несмотря на обширный корпус исследований в данном направлении. Научные разработки последних лет значительно расширили сферу применения теории связности текста, охватив различные типы речевых произведений – от письменных до устных форм коммуникации [15; 19; 20]. В контексте развития информационных технологий формируется новое междисциплинарное направление, связанное с автоматизацией определения параметров текстовой связности [18]. В исследованиях основное внимание сосредоточено на выявлении формализуемых характеристик внутренней организации текста и квантитативном анализе его объемно-прагматических единиц.

В терминологическом аппарате текстовой лингвистики наблюдается отсутствие единообразия при описании феномена связности. Категория когезии детально разработана в трудах И.Р. Гальперина, М. Халлидея и Р. Хасана, представляющих англо-американскую лингвистическую традицию. Представители европейской школы текстолингвистики – С.И. Москальская и Г. Мишель – оперируют преимущественно термином «когерентность». В работах Б. Сандина и Х. Эромса присутствует дифференцированный подход к данным понятиям с четким разграничением сфер их применения.

Согласно концепции М. Халлидея и Р. Хасана, когезия представляет собой систему функциональных отношений, присущих любому тексту и служащих критерием его отграничения от нетекста [8, с. 108-109]. При этом когезивные отношения сами по себе не определяют содержательные и прагматические характеристики текста. Когезия функционирует на поверхностном уровне текстовой организации и материализуется через систему языковых механизмов: субституцию (замещение), эллипсис (опущение) и референцию (отсылку) [8]. Анафора занимает особое положение среди средств обеспечения когезии, реализуясь через повторение лексических единиц или синтаксических конструкций в начальных позициях смежных высказываний [5]. Значимость анафорических повторов определяется их двойной функциональностью: они не только формируют

структурную целостность текста, но и активно участвуют в его смысловом развертывании, обеспечивая тематическую преемственность.

Внутренняя связность между микротемами текста обеспечивает целостность тематического развития произведения. Формирование такой связности происходит на основе когерентных и когезивных отношений, обладающих специфическими особенностями. Логико-семантические отношения между темами организуются посредством когерентности и базируются преимущественно на различных типах противопоставления. Смыслоразличительное противопоставление в лингвистической теории трактуется как «противопоставление однородных единиц, которое имеет место тогда, когда налицо отношение между двумя единицами, характеризующимися общим интегральным признаком» [9, с. 136-137].

Когерентность текста (coherence) функционирует на глубинном уровне внутрисмысловых связей, в отличие от когезии, проявляющейся на поверхностном уровне. Согласно научным исследованиям, «внутренней структурой элементов текста являются концепты, не имеющие прямого соответствия языковым единицам – общие понятия, активизированные данными единицами. Концепты формируются интеграцией более мелких смысловых компонентов» [9, с. 186]. Включение концептуального измерения в анализ когерентности позволяет рассматривать внутритекстовые связи на стыке лингвистики и когнитивистики.

Формирование темы в художественном тексте представляет собой процесс, связанный с предшествующими тематическими элементами. Любое текстовое произведение в своей исходной точке устанавливает имплицитные или эксплицитные связи с предшествующим смысловым контекстом, что обеспечивает тематическую преемственность повествования. Проиллюстрируем данное положение на материале рассказа Э. Хемингуэя:

"*So* he ate an orange, slowly spitting out the seeds. Outside, the snow was turning to rain. Inside, the electric stove seemed to give no heat and rising from his writing-table, he sat down upon the stove. How good it felt! Here, at last, was life" [13].

Начальное высказывание первого абзаца рассказа открывается союзом *so* (итак), функционирующим как связующий элемент между разворачивающимся повествованием и имплицитной предшествующей ситуацией. Данный лингвистический маркер сигнализирует, что представленная микротема является продолжением предшествующего контекста, где уже фигурирует субъект действия. Несмотря на отсутствие конкретной информации о предыдущих событиях, описание действий персонажа («потребление пищи», «удаление несъедобных частей») функционирует как средство когезии, устанавливающего связь с подразумеваемой предысторией.

Второе предложение вводит новую микротему, связанную с изменением погодных условий. Высказывание начинается пространственным наречием *outside* (снаружи), которому в следующем предложении противопоставляется наречие *inside* (внутри). Семантическая оппозиция данных пространственных маркеров образует бинарную структуру, организующую художественное пространство текста и обеспечивающую как формальную, так и смысловую связность между высказываниями. Контраст между внешними условиями (переход снега в дождь) и внутренней обстановкой (отсутствие тепла от электрической печи) усиливает общий мотив холода. Пространственные наречия акцентируют внимание на оппозиции замкнутого (помещение) и открытого (внешний мир) пространств. Данная дифференциация воспринимается читателем на уровне когнитивной обработки текста, хотя эксплицитно в произведении не фиксируется. Перемещение персонажа (к источнику тепла), обусловленное температурным дискомфортом, формирует следующую микротему в структуре тематического развития текста.

Завершают начальный абзац восклицательные фразы "*How good it felt! Here, at last, was life*", которые образуют отдельную микротему, отражающую переход персонажа от физического дискомфорта к состоянию относительного удовлетворения. Эмоционально маркированные высказывания отражают изменение психологического состояния персонажа и завершают последовательность

начальных микротем, которые в совокупности складываются в единую макротему, характеризующую исходную ситуацию повествования.

Художественный текст по своей природе содержит элементы различного информационного статуса, где каждый отдельный компонент может стать основой для образования самостоятельной микротемы. В процессе чтения происходит индивидуальное членение информации, когда читатель самостоятельно выделяет различные тематические блоки. Автор, работая над произведением, производит отбор информации, разграничивая первостепенные и второстепенные элементы, причем последние нередко опускаются. Данный принцип текстовой организации становится особенно заметен при сравнительном анализе оригинала и перевода, что можно проследить на примере русского варианта рассказа:

«Он потянулся за апельсином и съел его, поплевывая зернышками. За окном снег переходил в дождь. В комнате электрическая печка будто и не грела, и, встав из-за письменного стола, он сел на нее. Ох, как приятно! Вот где настоящая жизнь – наконец-то!» [7].

В переводе не представлен эквивалент союза *so*, что снижает связность начальной микротемы с имплицитной предысторией. В результате такого переводческого решения повествование начинается непосредственно с действия героя, без указания на его обусловленность предшествующим контекстом. Данный связующий элемент играет важную роль в тематическом развитии текста, поскольку служит важным средством текстовой когерентности. При этом в переводе пространственная оппозиция *outside – inside* трансформируется в противопоставление *за окном – в комнате*, сохраняя основную линию тематического развития и общую смысловую целостность произведения.

Пространственная организация рассказа с четким разделением на внешний и внутренний планы составляет важную черту авторской поэтики. Распределение событий в различных пространственных планах реализует композиционный принцип пространственного контраста. Интерпретация описанных автором пространственных характеристик требует привлечения когнитивного анализа для выявления мотивации использования закрытых и открытых, локальных и глобальных пространственных параметров [1; 2; 3].

Развитие пространственной тематики продолжается в следующем фрагменте рассказа:

“He reached for another orange. Far away in Paris, Mascart had knocked Danny Frush cuckoo in the second round. Far off in Mesopotamia, twenty-one feet of snow had fallen. Across the world in distant Australia, the English cricketers were sharpening up their wickets. There was Romance” [13].

В приведенном отрывке происходит расширение пространственного плана от локального (комната героя) к глобальному (Париж, Месопотамия, Австралия). Такое композиционное решение создает новое измерение пространственных отношений и укрепляет текстовую связность через контраст пространственных планов различного масштаба.

Исследователь Г. Казимов при изучении тематического развития указывает на постоянное движение речевого акта от темы к реме, когда главной задачей становится сообщение нового содержания о данной теме: «Новая информация составляет коммуникативную основу предложения и выступает его смысловым ядром. Именно передача этой информации является главной целью высказывания. При этом различные высказывания, объединенные общей темой, взаимодействуют между собой, что обеспечивает формирование тематической целостности текста» [14, с. 7].

Применение данного положения к анализу перевода рассказа Хемингуэя позволяет выявить существенную проблему: перевод теряет несколько внутренних и внешних связующих элементов, присутствующих в оригинале, что нарушает систему логико-семантических отношений исходного текста. В результате переводческих трансформаций наблюдается снижение интенсивности семантических связей, обеспечивающих целостность текста.

Особый интерес представляет присоединительный тип логико-семантических отношений, где между текущей и предыдущей темами устанавливается родовидовое соотношение. Такая организация придает тематической структуре текста иерархический характер, распределяя тематические элементы по степени их значимости и обобщения.

При рассмотрении повторяющихся текстовых элементов важно выделить две основные группы: «1) элементы, относящиеся к речевому акту (лексемы / их сочетание или синтаксические модели); 2) элементы содержания (концепты, значения)» [9, с. 204]. Разделение дает возможность отличать формальные средства когезии от содержательных, что существенно для полноценного анализа текстовой связности.

Процесс коммуникации реализуется через системное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов. Осмысление явлений реальности и их языковая репрезентация привели к созданию разветвленных классификаций концептов в современной науке о языке. В исследованиях данного направления актуализируется не только типологизация концептов, но и определение их исходных единиц, а также построение структурных моделей. Концепт, рассматриваемый в качестве культурной единицы, выполняет функцию знака коллективного опыта, преобразуемого в индивидуальное содержание в ходе когнитивной обработки [6, с. 72]. Указанное теоретическое положение приобретает особую значимость при изучении механизмов, обеспечивающих когерентность художественного текста.

Рассказ Э. Хемингуэя как репрезентативный образец художественного текста демонстрирует особенности концептуализации действительности, при которой события, лишенные видимой связи, объединяются в единую концептуальную структуру человеческого опыта. Логико-семантические отношения сходства обеспечивают интеграцию разрозненных фрагментов реальности в целостную картину мира.

Завершение художественного текста имеет особую функциональную значимость, поскольку обеспечивает передачу основного содержания произведения. Автор рассказа фиксирует определенную точку в последовательности описываемых событий как финальную, маркируя тем самым композиционную завершенность:

“There is Romance everywhere. Forum writers talk to the point, are possessed of humor and wit. But they do not try to be smart and are never long-winded.

Live the full life of the mind, exhilarated by new ideas, intoxicated by the romance of the unusual. He laid down the booklet” [13].

Два приведенных абзаца, завершающие рассказ, объединяют разнородные событийные линии в цельную композиционную структуру. Высказывание *There is Romance everywhere*, используемое автором, устанавливает связь с предшествующими частями текста посредством дистантного лексического повтора и семантического сходства, формируя кольцевую композицию всего произведения.

Финальная часть рассказа представлена обширным абзацем, вводящим новую сюжетную линию:

“And meanwhile, stretched flat on a bed in a darkened room in the house in Triana, Manuel Garcia Maera lay with a tube in each lung, drowning with the pneumonia. All the papers in Andalucia devoted special supplements to his death, which had been expected for some days. Men and boys bought full-length colored pictures of him to remember him by, and lost the picture they had of him in their memories by looking at the lithographs. Bullfighters were very relieved he was dead, because he did always in the bullring the things they could only do sometimes. They all marched in the rain behind his coffin and there were one hundred and forty-seven bullfighters followed him out to the cemetery where they buried him in the tomb next to Joselito. After the funeral every one sat in the cafés out of the rain, and many colored pictures of Maera were sold to men who rolled them up and put them away in their pockets” [13].

Внутритекстовая связность на макроуровне обеспечивается механизмами семантического взаимодополнения и тесного сочетания содержательных компонентов, интегрированных в общую структуру произведения [4, с.15; 16, с.185].

Завершающий абзац рассказа содержит отдельную микротему: *After the funeral every one sat in the cafés out of the rain, and many colored pictures of Maera were sold to men who rolled them up and put them away in their pockets*. Связь с предшествующей макротемой осуществляется посредством дистантного повтора имени собственного *Маера*, функционирующего как значимый элемент когезии.

Вопросы когезии и когерентности привлекают внимание исследователей в различных лингвистических контекстах. Научная литература последних лет включает работы, посвященные проблемам когезии при переводе на арабский язык [11; 12], а также исследования когезии в мультилингвистических контекстах, дискурсе и корпусной лингвистике [17]. Значительный интерес представляют также вопросы когезии в учебных текстах [10]. Наличие различных исследовательских подходов свидетельствует о значимости когезии и когерентности в организации текстовой структуры.

Проведенный анализ тематического развития в рассказе демонстрирует, что связность между микро- и макротемами, формирующими целостный текст, обеспечивается различными типами логико-семантических отношений. Общая тематическая структура произведения становится доступной адресату благодаря комплексному взаимодействию микро- и макротем через систему внутренних и внешних связей. Когезия и когерентность, функционируя на разных уровнях текстовой организации, определяют траекторию его тематического развертывания и обусловливают особенности читательского восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивной лингвистики: Научная монография / Н.Ф. Алефиренко. – Нитра: Университет Константина Философа в Нитре, 2011. – 216 с.

2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.

3. Бородицки Л. Как языки конструируют время / Л. Бородицки // Язык и Мысль: Современная когнитивная лингвистика. – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – С. 199–212.

4. Бузаева Я.А. Самоподобие формы текста как принцип организации вторичного текста (на материале сонетов У. Шекспира и их русских переводов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Я.А. Бузаева. – Челябинск, 2015. – 23 с.

5. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – Москва: Высшая школа, 1982. – 272 с.

6. Пименова М.В. Коды культуры и проблемы классификации концептов / М.В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. – 2007. – Вып. 5. – С. 71-86.

7. Хемингуэй Э. Банальная история [Электронный ресурс] / Э. Хемингуэй // Библиотека Хемингуэя. – URL: http://hemingway-lib.ru/rasskazi/banalnaya-istoriya.html (дата обращения: 15.03.2025).

8. Хэллидей М.А.К. Когезия в английском языке / М.А.К. Хэллидей, Р. Хасан // Исследования по теории текста. – М., 1979. – С. 108-115.

9. Abdullayev Ə. Aktual üzvlənmə, mətn və diskurs / Ə. Abdullayev. – Bakı: "Zərdabi LTD" MMC, 2011. – 272 s.

10. Diego X.R. Linguistic cohesion in middle-school texts: A comparison of logical connectives usage in science and social studies textbooks [Электронный ресурс] / X.R. Diego, A. Briceño, H. Rohde, S. Hironaka // Electronic Journal of Science Education. – 2016. – Vol. 20, No. 6. – URL: http://ejse.southwestern.edu (дата обращения: 15.03.2025).

11. Farghal M. Textual Issues Relating to Cohesion and Coherence in Arabic/English Translation / M. Farghal // Jordan Journal of Modern Languages and Literature. – 2017. – Vol. 9, No. 1. – P. 29-50.

12. Goodluck C.K. The use of lexical cohesion elements in the writing of ESL learners / C.K. Goodluck, U.L. Igbokwe, U.N. Okebalama, C.I. Egbe // Research in Language. – 2016. – Vol. 3. – P. 221-234.

13. Hemingway E. Banal Story [Электронный ресурс] / E. Hemingway // Viet Messenger. – URL: http://vietmessenger.com/books/?title=menwithout women&page (дата обращения: 15.03.2025).

14. Kazımov Q. Ön söz. Mətn dilşiliyi problemləri / Q. Kazımov // Aktual üzvlənmə, mətn və diskurs / Ə. Abdullayev. – Bakı: "Zərdabi LTD" MMC, 2011. – S. 5-21.

15. Lapshinova-Koltunski E. Review of Discourse and Coherence: From the Sentence Structure to Textual Relations / E. Lapshinova-Koltunski, M. Ogrodniczuk // Slovo a slovesnost. – 2017. – Vol. 78. – P. 343–349.

16. Məmmədov A. MSB-lər arasında əlaqə üsulları (formal əlaqə) / A. Məmmədov // Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütöv. – Bakı: Mütərcim, 2012. – S. 184-213.

17. Menzel K. New perspectives on cohesion and coherence: Implications for translation / K. Menzel, E. Lapshinova-Koltunski, K. Kunz. – Berlin: Language Science Press, 2017. – 157 p.

18. Moongee J. Analyzing the Cohesion of English Text and Discourse with Automated Computer Tools / J. Moongee // Journal of Pan-Pacific Association of Applied Linguistics. – 2014. – Vol. 18(2). – P. 123-133.

19. Sarzhoska-Georgievska E. Coherence: Implications for Teaching Writing / E. Sarzhoska-Georgievska // English Studies at NBU. – 2016. – Vol. 2, Issue 1. – P. 17-30.

20. Schubert Ch. Cohesion in contrast: A case study of English and German user manuals / Ch. Schubert // SKY Journal of Linguistics. – 2016. – No. 29. – P. 95-117.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Файл с текстом статьи должен иметь расширение *.doc или *.docx. Разметка страницы: поля со всех сторон 2 см, ориентация книжная, формат А4. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер (кегль) 14, абзацный отступ 1,25 см, межстрочный интервал полуторный с использованием автоматической расстановки переносов. Аннотация (от 100 до 150 слов); ключевые слова на русском языке (от 8 до 15 слов). Название статьи, аннотация, ключевые слова, сведения об авторах должны быть переведены на английский язык.

Исключить громоздкие цифровые и формульные таблицы, а также рисунки, более, чем на 0,5 страницы. Все таблицы и рисунки должны быть в тексте, подписаны, ссылки на них по тексту обязательны.

Список использованной литературы составляется по алфавиту в конце статьи в соответствии с ГОСТ. Источников литературы не менее 10 источников. Ссылки на литературу в тексте отмечаются арабскими цифрами в квадратных скобках.

В статье должны быть указаны следующие сведения о каждом авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); место работы и должность; ученая степень; домашний адрес (если необходимо почтовый экземпляр); контактный телефон; адрес электронной почты. Название ВУЗов полностью, без сокращений.

Максимальное число авторов в статье – 4.

Процент авторского текста должен составлять не менее 75%.

Текст статьи должен включать в себя следующие обязательные компоненты:

- индекс УДК (универсальной десятичной классификации). Желательно, чтобы индекс УДК автор подбирал совместно со своим научным руководителем, поскольку индекс влияет на отнесение статьи к той или иной специальности, что важно для учета публикаций при защите диссертации;
- авторские метаданные (Ф.И.О. автора (авторов), сведения о месте работы с полным названием учреждения (учреждений), город и государственная принадлежность);
- название публикации (не следует использовать в названии формулы, а также сокращения и аббревиатуры);
- аннотацию. Ее объем аннотации должен составлять 100–150 слов. В аннотации содержится конкретное и краткое изложение проведенного исследования и его результатов. Допускается отсутствие аннотации в текстах рецензий, отчетов, обзоров, отзывов и иных подобных материалов;
- блок ключевых слов (не менее 8 и не более 15 единиц). Ключевые слова выстраиваются в первую очередь по значению, во вторую – в алфавитном порядке;
- собственно текст статьи;
- сведения об источниках финансирования исследования (при наличии): номер и наименование гранта, организация-грантодатель;
- список использованных при подготовке статьи источников (литературы);
- сведения о дате подготовки статьи.

Для публикации в журнале необходимо направить на адрес электронной почты: Acabem.rus@yandex.ru текст статьи на рецензирование. Название файла -фамилия первого автора

Учредитель: Тихонова Жана Сергеевна
Издательство: ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «РОСТПОЛИГРАФ»,
Адрес издательства: 105187 г. Москва, ул. Вольная д. 28/4 к.1
Типография: Индивидуальный предприниматель Тихонова Жанна Сергеевна, ИНН 615108078357, ОГРНИП 322619600168289
Адрес типографии: 346715, РОССИЯ, обл РОСТОВСКАЯ, р-н АКСАЙСКИЙ
ISSN электронного сетевого издания 3034-1337
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия Эл № ФС77-87087 от 01 апреля 2024 г.
E-mail: Acabem.rus@yandex.ru
Вебсайт: https://rostizdat.ru/nachala-russkogo-mira/
Выход в свет 05.06. 2025г., объем 11,20 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 021-25/06.
Цена свободная

ISSN 3034-1337

9 773034 133006 >